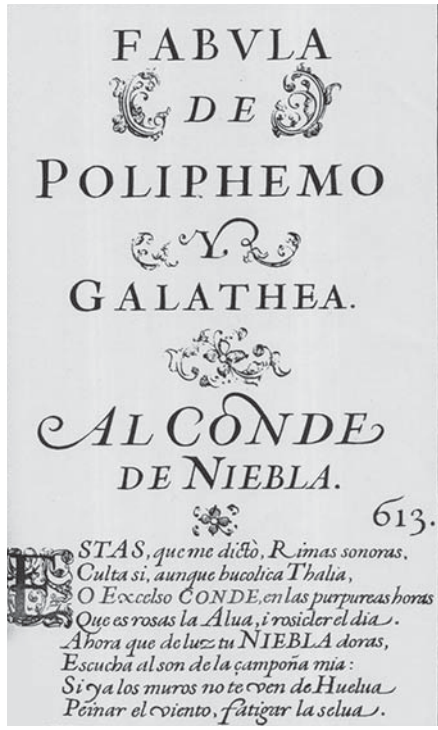
Сказание о Полифеме и Галатее



FABVLA
DE
POLIPHEMO
Y
GALATHEA.

AL CONDE
DE NIEBLA.

613.

ESTAS, que me dictò, Rimas sonoras,
Culta si, aunque bucolica Thalia,
O Excelso CONDE, en las purpureas horas
Que es rosas la Alua, i rosicler el dia.
Ahora que de luz tu NIEBLA doras,
Escucha al son de la çampoña mia:
Si ya los muros no te ven de Huelua
Peinar el viento, fatigar la selua.

(1)

Стихи, чей звучный мне насказан строй
премудрой Тальей*, что пастушкой мнится,
когда — мой граф! — багряною порой
на мальву дня меняет мак денница, —
услышь, мглу Ньеблы золотя сырой,
стихи, что извлекла моя цевница,
коль ты уже у стен Уэльвы, граф,
не режешь высей, не томишь дубрав.

В этой октаве поэт просит увлечённого охотой графа де Ньебла выслушать его стихи.

(2)

Пусть на руке сокольника ретиво,
голодный, перья теребит ловец
или на жёрдочке, столь тих на диво,
что чуткий не очнётся бубенец;
узду златую — пеной — пусть лениво
посеребрит арабский жеребец;
и пёс уймётся на шелкóвой своре.
А зычный рог уступит цитре в споре.

Чтобы стихи могли быть услышаны, поэт просит сокола, жеребца и пса угомониться.

(3)

Нелёгкий, да прервётся миром спор
в досуге чутком и молчанье чинном,
чтоб в августейший твой проник шатёр
напев свирепый, спетый исполином.

Поэт просит своего покровителя, пользуясь передышкой на охоте, выслушать стихи, обещая достойно прославить ими господина.

Твой вкус дай Музам* усладить, сеньор,
и пусть моя ликующим зачином
рожка (а он у Фамы* — не второй)
в земных пределах род прославит твой.

(4)

Там, где подошву Лилибея рьяно
понт сицилийский пеною сребрит
(таит ли эта полость горн Вулкана*
иль прах Тифея* этот склеп таит),
где бледный пепла след хранит поляна,
чей тяжким ремеслом унижен вид
или позывом гнусным, — кляпом стала
высокая скала во рту провала.

Указав место действия поэмы (это Сицилия), поэт начинает описание пещеры Полифема, продолжая его в двух последующих октавах.

(5)

Убранством скудным стынут над скалой
стволы; их кронам, схожим с дикой шкурой,
безветрием обязана и мглой
пещера больше, чем скале понурой, —
слепое ложе и приют гнилой
для жуткой ночи, а приметой хмурой —
птиц полунощных безобразный сброд,
чьи клики скорбны и тяжёл полёт.

(6)

Таков провал, который в толще чёрной
разъят земли томительным зевком,
где Полифем*, гроза округи горной,
глухой чертог обрящет, тёмный дом
и для овечьих стад загон просторный:
все кряжи скрыты мрачные кругом
их массами слепящими, которым
призывом дикий свист, валун — затвором.

(7)

Был как большая мускулов гора
свирепый сей (Нептунов* сын, страшила,
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней старшего светила)
циклоп*, кому сосна, сколь ни храбра,
жердиной лёгкой став, трусливо льстила
под грузным гнётом, тоньше тростника:
день — посох овчара, другой — клюка.

Описание самого Полифема в этой и следующей октавах.

(8)

Чернеющих волос поток волнистый —
подобье сумрачных летейских вод,
терзает пряди ветер норовистый,
спадающие грязно и вразлёт,
а бороды каскад (как сын нечистый
спалённых Пиреней) на грудь течёт,
чьи неумело, изредка и всуе
перстами цедит он густые струи.

(9)

В Тринакрии нет зверя среди скал,
сколь злобным ни был бы и быстроногим,
чей бег помог бы и зубов оскал
сберечь свой мех, любезный краскам многим:
уже овчиной стал тот, кто пугал
того, кто крался призраком убогим,
волов к загону с пахоты гоня
по смутным тропам меркнущего дня.

Поэт рассказывает, как Полифем одолевает самых свирепых зверей.

(10)

С чуланом (чем полней, тем больше) схожа
сума, где плод круглится налитой,

Плоды в суме Полифема.

гнетущий с поздней осени все ложа
травы, чья спорит мягкость с добротой:
рябина, чья морщит на сене кожа,
и груша с колыбели золотой
соломы, чья ревнивая охрана
и спрячет плод, и наведёт румяна.

(11)

В его суме, колючей, как каштан,
айва, ни спелой масти, ни зелёной,
и яблоко, чья розовость — обман
в отличие от бледности смущённой,
и с дуба (гордость гор — он, как титан,
был веку золотому доброй кроной)
дар и еда (хоть груб сей плод и плох)
невиннейшей и лучшей из эпох.

Перечисление плодов.

(12)

Воск и пенька скрепили — и напрасно! —
сто камышин, чей дикий стон сгущён
стократным эхом столь же громогласно,
как воском и пенькой скреплённый стон.
Лес возмущён и на море ненастно,
Ломает свой завитый рог Тритон*,
оглохли парус и весло от зыка, —
столь Полифема яростна музыка!

Описание цевницы Полифема и воздействие этой дикой музыки.

(13)

Дориды* дочь ему всех нимф* милей,
когда-либо рождённых в пышной пене,
то Галатея*, прелесть Граций* ей
Венера* подарила в упоенье.
Два светозарных ока, звёзд ясней,

Любовь Полифема к прекрасной нимфе Галатее. Её описание в этой и следующей октавах.

белейшее венчают оперенье:
Юноны* лебедь, а равно павлин
Венеры, столп Нептуновых глубин.

(14)

Аврора в нимфе чистоту лилеи
сплела с кармином розы огневой,
смущён Амур*: что впору Галатее —
снег пурпурный иль пурпур снеговой?
Зря подражает жемчуг Эритреи
её челу: разгневан бог слепой —
на ушке перламутровом, в отместку,
он блеск в златую заточил подвеску.

(15)

Любовь морских божеств к Галатее. Нимфу полюбил Главк.

На зависть нимфам, боги, сколь ни будь
их в море, отдают сердца шалунье:
малыш крылатый горд, вслепую путь
верша на раковине по лагуне.
Зелёнокудрый, чью стесняет грудь
не чешуя, а стоны, — Понтий* втуне
гордячку на возке из хрусталя
умчать в серебряные мнит поля.

(16)

Морской бог Палемон тоже влюбился в Галатею.

Морской юнец — лазурь чела в кораллах
нежнейших — Палемон*, кому казной
вода от Маяка на злобных скалах
до Мыса оконечности иной, —
как Полифем (пусть в меньших, но немалых
терзаньях) к ветроногой нимфе той
стремится, что, его заслышав пени,
в цветах быстра, как он в кипящей пене.

(17)

Красавице бегущей стать бы рад
пловец влюблённый сладостной препоной:
пусть и не аспидом для дивных пят —
плодом златым для быстроты смущённой;
но разве лестный блеск и смертный яд
вольны пресечь полет стрелы, перённой
презреньем? Догонял когда и где
косулю на земле дельфин в воде!

Продолжение темы предыдущей октавы.

(18)

Сицилия — рог Вакха*, сад Помоны*, —
щедра на всё, что прячет и родит:
тот множит пышные гроздей короны,
а та румяные дары плодит,
Цереры* воз здесь летним цепом склоны
пшеничные от веку не щадит,
торят к её колосьям спелым тропы,
как муравьи, провинции Европы*.

Начало беглого описания Сицилии.

(19)

Горам завидным Палес* воздаёт
щедрее, чем Церера всем равнинам.
Здесь в поле золотого града гнёт,
там шерсть, как снег, пушит бока вершинам.
И все, кто снег стрижёт, и злато жнёт,
и чаны полнит выжатым кармином, —
от веры или страсти нимфу тут
за божество, пусть и без храма, чтут.

Завершается описание Сицилии. Любовь, которую испытывают к Галатее все мужи острова.

(20)

Но всё же есть алтарь: там, где крылатой
волною пенной смочен брега скат, —
первины оставляет там оратай,

Дары, приносимые пахарями, овчарами и садовниками.

овчар — слепое первоплодье стад,
рог Амальтеи, в благах тороватой,
садовник ивовой циновке рад
отдать, которую сплетала ловко
дочь скромная, сколь ни проста циновка.

(21)

Красота Галатеи возбуждает юных обитателей острова.

Пылает младость, и неспешный плуг
лишь гладит земли, что взрезал доселе,
волом едва влачимый, чей досуг,
хозяйскому под стать, — блуждать в безделье;
без пастуха, что им свистел, на луг
бредут стада, не слыша, чтоб скрипели
пращи: там, где пастух-бедняк исчез,
свистит — зефир, скрипит — дубовый лес.

(22)

В отсутствие влюблённых пастухов сторожевые псы не охраняют стадо, и на него нападают волки.

Пёс ночью нем, а днём, меж скал блуждая
из тени в тень, где ляжет, там и спит.
Скот блеет, жалким блеяньем рождая
тень волка, что из тьмы ночной хрипит.
Он кровь одной, жестокость услаждая,
на то, что кормом для другой, кропит.
Свист воскреси, Амур, иль пусть в тенёта
хозяина возьмёт, как пса, дремота!

(23)

Галатея отдыхает у ручья и засыпает под напевы птиц.

А быстроногая, под лавр упав,
чей ствол ожогов солнечных не знает,
жасмины (коих столько, сколько трав
вкруг тела снежного) к ручью склоняет.
Со сладким стоном сладкий стон связав,
один другому соловей пеняет,
руладой в сон глаза её маня,
дабы три солнца не спалили дня.

(24)

Как саламандра в Солнце, Пёс рычащий
ерошил шкуру звёзд своих, когда
(пыль во власах, пот на челе, слепящий,
как молнии из бисерного льда)
явился Акид*: видя Запад спящий
двух нежных солнц, чей сон двоит вода, —
он ртом и взором пьёт, про все забывший,
хрусталь текучий и хрусталь застывший.

В разгар жары к месту, где спит Галатея, пришёл Акид: склонившись к ручью, он пьёт, глядя на спящую нимфу.

(25)

Был Акид — Купидонова* стрела —
рождён Симетис* дивной и сатиром*,
в ком совмещён вид мужа и козла, —
и был он чтим земным и водным миром.
Так сталь магнит пленительный нашла,
поклонник — спящим ослеплён кумиром, —
богатый тем, что дарит бедный сад,
плодят коровы и дубы растят.

Описание Акида.

(26)

Миндаль с небесной влагой загустелой,
чья мякоть зелена, но не крепка,
близ нимфы ставит он в плетёнке белой
и масла ком на листьях тростника,
а в лёгкой пробке, выделки умелой,
златое чадо дуба-старика, —
сладчайший улей из дупла, в чьи недра
весна нектар на воск сочила щедро.

Дары, которые Акид оставляет около спящей Галатеи.

(27)

Горяч, ручью он руки отдаёт
и холод струй ко лбу подносит ими
между двух мирт, подобных в пене вод

Акид освежает руки и лицо водой из ручья. Робкий ветерок веет над спящей Галатеей.

зелёным цаплям с перьями седыми.
Фавоний* вольной кисеи разлёт
питает льстиво вздохами своими
над ложем (нет воздушней гамака!),
чьи тени свежи, а трава мягка.

(28)

Едва вскипев, ручей сереброзвонный
нарушил плеском тишину полей,
она, обидев свой приют зелёный,
косою стала собственных лилей.
Бежала бы, но столь студён рожденный
в груди испуг, разлитый ленью в ней, —
что стынет быстрый лёт и лёгкость бега
от льдистых перьев и капканов снега.

Плеск воды, которой умывается Акид, пробуждает испуганную Галатею.

(29)

Мёд в пробке видит, сгусток молока
на тростнике и рядом плод в корзине,
но где дароподатель, чья рука,
даря, богиню чтит и сон богини?
Сто раз пропасть готова, но пока
немалый знак сей льстивой благостыни,
хоть изваянье снега холодней,
волненье потеснив, дал думы ей.

Галатея находит дары Акида, но не видит того, кто их принёс.

(30)

Нет, не циклоп — виновник лестной дани,
не гнусный Фавн* и не иной урод,
живущий в сельве, чью узду желанье
ослабило, а сон трикрат гнетёт.
Младенец-бог в повязке — вот чьи длани
пышнейшую добычу, дивный плод,
готовят древу матери в трофеи —
доныне гордый норов Галатеи.

Галатея гадает, кто принёс дары. Амур решает сломить неприязнь нимфы, которую она выказывает ко всем.

(31)

Амур ранит стрелой Галатею, которая теряется в догадках.

И с веток той, чей больше ствол ручьём
оплёскан, — мирты, что взросла степенно,
в хрустальный тул злачёным остриём
грудь белую он превратил мгновенно.
И львица непокорная тайком
разглядывает щедрый дар смиренно,
пеняя, что хозяину даров
хозяином — дремучий леса кров.

(32)

Галатея ищет и находит Акида, который притворился спящим.

Она бы позвала, но оробела,
не зная, как зовётся чаровник,
каков, хоть кистью робкою умело
творит фантазия желанный лик.
Стопы, чей страх исчез, пыл гонит смело
в тень, где предстал пугливой в тот же миг
на ложе поля — том же поле брани —
юнец, сокрывший сном своё желанье.

(33)

В трёх октавах рассказано о том, как Галатея любуется спящим.

Зрит вид его и, в сне не усомнясь,
нависла на одной ноге над сонным
(с дремотою мирясь, на ложь ярясь
риторики немой, сокрытой оным), —
не так гнездо венчает птичий князь,
порой лучом слетая оперённым
на коршунёнка, коему была
укрытием возвышенным скала,

(34)

как нимфа, в состязании учтивом,
не только спящего венчает сон,
но и не рада нежным переливам

ручья, чей робкий уняла бы звон;
следя из-за ветвей за юным дивом, —
как радужно набросок оживлён,
который начертал в её сознанье
Амур, что кистью грудь терзал ей ране, —

(35)

получше место выбрав, зорко зрит
в чертах его могучих то, что мило
не мягкостью, чей не сразил бы вид,
а силой, чья краса её сразила.
Волос его копна смущённым льстит
лучам почти запавшего светила;
пушок у рта его — цветник, чей цвет
не столь цветущ, поскольку дремлет свет.

(36)

Верней для аспида в глуши засада
там, где не стрижен милый взору лог,
чем тщательно причёсанного сада
изысканно-приятный уголок, —
его мужавый лик Амур для яда
быть сладостной привадою обрёк;
и Галатея, не страшась нимало,
пьёт всё жаднее зелье из фиала.

В бесхитростной красоте Акида заключён любовный яд, жадно испитый Галатеей.

(37)

И юноша, сколь прорезь ни мала
для сна дозорного, следя, как разом
и неспокойна нимфа, и смела,
в лицо ей впился Аргусом* стоглазым;
он линзой в думы ей проник, — чела
ни бронзой не укрыть ей, ни алмазом:
в своих палладионах так Эрот*,
стен не сломав, огонь вовнутрь ведёт.

Лукавый Акид, притворяясь спящим, внимательно следит за нереидой.

(38)

И в тот же миг, покинув дрёмы лоно,
младую гордо он являет стать,
к ногам слоновой кости пал влюблённо,
чтоб золото котурна целовать.
Так моряка не может с небосклона
луч предугаданный перепугать,
тем паче буря, чьи ясны затеи, —
нет равной оторопи Галатеи.

Акид порывается поцеловать ступню Галатеи.

(39)

Не столь дичлива, а скорей нежна,
веля счастливцу разогнуть колени,
юнца с улыбкою зовёт она
не сну продленье дать, а роздых — лени.
Утёс крутой, чья вогнута стена,
их, как шатёр, сокрыл в прохладной сени,
где плющ — его завесы зелены —
обвил стволы и обнял валуны.

Успокоившись, Галатея позволяет Акиду подняться. Описание места, которое станет ложем любви.

(40)

А на ковре, чьим изумрудным флёром
унижен тирский (ведь его шелка
не зря, спрядая нити червем спорым,
ткала Весна, искусна и ловка), —
под миртой, самой пышной, льнут с задором
друг к другу — этот пылок, та легка —
голубка к голубку, их песнь похожа
на зов любовный, слух четы тревожа.

Они испытывают взаимное влечение, глядя на голубей и слыша их воркование.

(41)

Ворканьем хриплым жар младой раздут,
но Галатеи мягкие уклоны
предел отваге Акида кладут

Акид порывается приласкать Галатею, та мягко уклоняется, что ещё больше горячит юношу.

и хору птиц, чьи возбуждают стоны.
Он меж плодов и волн, как тот, чей труд —
всевечный голод и одни уроны:
немалый ад, когда близ райских нег
хрусталь — уклончив, а плоды — как снег.

(42)

Едва дозволил голубям задорным
рубиновых два клюва слить Эрот, —
в гвоздику впившись, Акид ртом проворным
к двум лепесткам карминным жадно льнёт.
Левкоям белым и фиалкам чёрным,
сколь Книд и Пафос их плодят, — с высот
Амур ниспасть даёт на то, что позже
заменит брачное влюблённым ложе.

Поцелуй Акида. Дождь из цветов над брачным ложем.

(43)

Дыханье — дым, а храп — огонь, хотя
и в мыле удила, — Этон* пронёсся
туда, где, Грековы столпы златя,
коляски жаркой омочил колёса,
когда, слеп от любви, циклоп, пыхтя,
верх дикого обременил утёса, —
промеж каменьев острых и коряг
утёс напоминал слепой маяк.

Близится восход солнца. В эту пору Полифем поднимается на вершину скалы.

(44)

Судья горам и брегу, — беззаботно
он влил, застыв на выступе крутом,
во флейты, кои воск связует плотно,
дыхание, как мех, огромным ртом;
и нимфа, вняв им, стала бы охотно
былинкой, перстью на ветру, листом,
чем, нежа юный вяз лозой, в напасти
не жить от страха, умирать от страсти.

Взобравшись на скалу, циклоп играет на цевнице. Страх Галатеи.

(45)

Но лозы рук хрустальные крепки, —
любовь их вьёт и страх неизречённый
вкруг бедного ствола, что на куски
топор изрубит, ревностью точённый.
Меж тем пещеры, холмы и пески,
цевницей грубою предвосхищённый,
настиг, как гром, всё пепелящий глас:
вам, Пиэриды*, уступлю рассказ!

Любовь и ужас не позволяют Галатее бежать. Полифем поёт, — поэт, чтобы описать этот напев, просит помощи у Муз.

(46)

«О Галатея, чья краса нежнее
Авророй отягчаемых гвоздик
и снежных перьев кликуна снежнее,
чей сладок над волной последний крик;
ты статной птицы краше и пышнее,
чей синий веер стольких глаз тайник,
сколь звёзд в небесном светится сафире,
но два твоих — прекраснейшие в мире!

Циклоп превозносит красоту нимфы, сравнивая её нежность с гвоздиками, белизну — с лебяжьими перьями, а осанку — с павой.

(47)

Тефиды* светловласых дочерей
и волн беги, — пусть море подивится:
хоть свет исчез с коляскою лучей,
его двоит в глазах отроковица.
Пускай от белизны твоих ступней
в песке ракушка всякая сребрится, —
им дивная твоя даёт нога
зачать — не от росинок — жемчуга.

Гигант умоляет Галатею покинуть море.

(48)

Глухая дочь глубин, как ветру — скалы,
не внемлешь ты стенающему мне;
крадут ли красностволые кораллы

Полифем молит Галатею выслушать его напев.

мой стон, тебя баюкая на дне,
иль под нестройных раковин хоралы
(грубей музы́ки — да! — нет в глубине)
ты водишь хоровод, — услышь, сколь нежен
мой голос, пусть гласитель и отвержен.

(49)

Пастух я, но стадами так богат,
что долы полоню, сколь ни широки,
на склонах гор покровы моих стад,
под ними высыхают рек потоки;
но вымена сколь щедро не струят
и сколь в моём не накопилось оке, —
там молока, здесь слёз, — величина
богатств моих и бед моих равна.

Полифем восхваляет свои богатства, начиная с упоминания стад, и приравнивает обилие молока к обилию своих слёз.

(50)

Сочась нектаром, глушь, благоухая,
тайком от коз-прожор мне припасла
побольше ульев, чем цветов иная
сочла, мечась, сметливая пчела,
там, старые стволы обременяя,
рои в апреле, взмывши из дупла,
членятся в мае, чтоб янтарь в усладе
цедить, прядя лучей златые пряди.

Полифем превозносит свои владения и обилие мёда.

(51)

Юпитера бескрайних волн я сын,
хоть и пастух; ужель не льстит гордыне,
что на хрустальном троне властелин
тебя невесткой наречёт в пучине?
Откликнись Полифему, он один
могуч на берегу, таких поныне
Феб* не видал от Инда жарких вод
до Волги вялой, заточённой в лёд.

Он молит Галатею не отвергать столь могучего мужа.

(52)

И сидя, я сорву рукой могучей
на кроне фиговой плод наливной,
а встав, я заслоню тенистой кручей
стада бесчисленные в летний зной.
Высок ли я, коли покрыться тучей
спешит гора, чтоб вровень быть со мной,
коль на небе могу, как на скрижали,
напечатлеть перстом мои печали?

Циклоп бахвалится своим ростом.

(53)

У берега на камне стерегла
свой выводок морская альциона,
когда светлей сафирного стекла
лагуна скрала облик мой влюблённо.
Там, узрив солнце моего чела,
я узрил и зеницу небосклона, —
не ведала, чей верх, вода-судья:
циклоп ли в небе иль небесен я.

Полифем рассказывает, как, заглянув в морскую гладь, увидел свой огромный глаз.

(54)

Со стен других олень являет взору
отростки лет; не здесь свой кажет клык
зверь, чей крутой хребет, размером с гору —
как вострый частокол гельветских пик,
а голову — тот, кто в иную пору
за то платился ею, что проник
в мой грот, где ныне я ему радею,
усталому, влюблённый в Галатею.

Он уверяет, что, влюбившись в Галатею, сменил жестокость на доброту и больше не увешивает стены пещеры головами зверей и путников.

(55)

Корабль богатый берега песок,
разбившись в щепы, целовал уныло
богатствами, которые Восток,

В двух октавах следует упоминание о гибели генуэзского корабля, гружённого восточными товарами.

пресытясь, изрыгнул из пастей Нила.
В тот день уздою нежной зычный рог
пучины вздыбленной остепенила
(и ветер, необузданный досель)
вожжами сладкими моя свирель,

(56)

когда о глыбы волн ломая реи,
бук лигурийский, что разъят в куски,
благоуханные тюки Сабеи
и полные Камбайи сундуки
(заморский дар, умноживший трофеи
скалистой Сциллы*) вынес на пески —
злосчастный хлам, который гарпий своры
два дня от моря уносили в горы.

(57)

Второй доской стал генуэзцу грот —
и телу гостя и его товарам;
лишь эти высохли, оживший тот,
о страшном рассказав крушенье с жаром,
за лучший мой, в соломе зревший, плод
и плод, на нитке зревший, отдал даром
из бивня зверя, что, пугая Ганг,
нёс башни, сокрушая строй фаланг,

О приёме, оказанном потерпевшему кораблекрушение купцу, который подарил Полифему…

(58)

лук дивный и колчан блестящий — славу
искусника, украсившего кость,
Малаккский принц богине в дар на Яву
послал их, как про то поведал гость.
Взяв в руки лук, а на плечо оправу,
мать превзойди и сыну вызов брось,
чтоб тотчас стать под этим небосклоном
морской Венерой, горным Купидоном».

…искусно выделанные из слоновой кости лук и колчан; Полифем готов подарить их Галатее.

(59)

Ужасный голос, но не боль певца
об эту пору прерывают козы,
чьи рожки мерзкие и чья трусца
на Бахусовы посягнули лозы,
гроздь нежную губя. Его лица
звероподобен вид, страшны угрозы,
и столько мещет валунов праща,
что поколеблен занавес плюща.

Полифем прогоняет коз, разоряющих виноградник. Крики и камни достигают укрытия Галатеи и Акида.

(60)

И два влюблённых сердца сладкозвучных,
нежнейших уз разъяв тугой клубок,
по жёсткой гальке, среди тёрнов тучных,
взыскуют пену волн крылами ног:
не так ли, вызволив от птиц докучных
посев, неосторожный страж совлёк
и заячью чету, два дружных пыла,
свёл коих розный пол, бразда сдружила.

Галатея и Акид, спасаясь, бегут в сторону моря.

(61)

И узрив — дикий муж — неслышный скок
испуга снежного к морской пучине
(столь зорок, что нагого, пусть далёк,
ливийца зрит с его щитом в пустыне),
он отрока, — сколь древних буков мог
ревнивый гром смутить, — смутил в теснине:
так, упредив разъятье мутных туч,
опережает гул слепящий луч.

Зоркий Полифем замечает убегающих влюблённых.

(62)

Он в ярости безмерной вырывает
из кручи горной большую из плит,
метнув её, он юношу сбивает, —

Отломив огромную скалу, он бросает её в Акида.

нет урн грузней, тяжеле пирамид.
И нимфа слёзно к божествам взывает,
коих и Акид умолить спешит,
и тут же кровь, что выжал гнёт фатальный,
те обратили в чистый ток хрустальный.

(63)

Как только плоть его угнетена
была столпом ужасного утёса,
стопы дерев, чья дивна толщина,
текучий бисер вен омыл белёсо.
Кость белая — жемчужная волна,
целуя дол, сребрит пески откоса:
Дорида, с неизбывною тоской,
чтя зятя, нарекла его рекой.

Кровь раздавленного Акида потоком устремляется к морю, где его встречает мать Галатеи Дорида.

Глоссарий
к «Сказанию о Полифеме и Галатее»[1]

3. *…мой граф…* — Гонгора обращается к графу де Ньебла (1579–1636) в надежде заручиться его опекой.

5. *Ньебла* — город в провинции Уэльва (слово *niebla* на испанском обозначает «туман, изморось»).

6. *Цевница* — старинный духовой музыкальный инструмент: многоствольная флейта, свирель.

8. *…не режешь высей, не томишь дубрав.* — Аллюзия к полёту ловчих птиц и поиску зверей.

10. *…голодный… ловец…* — Выдержанная в дрессировке ловчая птица.

12. *Бубенец* — необходимый атрибут соколиной охоты, он крепится к лапам или на хвост ловчей птицы. В «Поэме Уединений» соколиной охоте посвящён большой фрагмент в «Уединении втором» (стихи 735–979).

16. *…зычный рог уступит цитре в споре.* — Просьба, чтобы вместо грубой охотничьей трубы зазвучала мелодичная цитра поэта.

19. *…августейший… шатёр…* — Граф де Ньебла принадлежал к знатному роду.

23. *…рожок (а он у Фамы — не второй)…* — Выражается уверенность, что его рожок не менее звучный, чем рожки и трубы Фамы (Славы).

25. *Лилибей* — древний пунический город на западной оконечности Сицилии, с трёх сторон окруженный морем.

42. *…земли томительным зевком…* — Иносказательно — пещера.

62. *…спалённых Пиреней…* — По одной из легенд, в древности эти горы объял пожар, спаливший всю растительность; возможно, отсюда и название — Пиренеи (от *греч.* pyros — огонь).

65. *Тринакрия* — древнегреческое название острова Сицилия; у Гомера — остров бога солнца Гелиоса, на котором обитало волшебное стадо коров, числом соответствовавшее дням года.

70. *…кто крался призраком убогим…* — Образ пастуха, который страшится диких зверей.

86. *…был веку золотому доброй кроной…* — Ветвистая крона дуба была для людей в то время единственной сенью.

89–90. *Воск и пенька скрепили… сто камышин…* — Образ огромной цевницы Полифема.

109. *Жемчуг Эритреи* — то есть жемчуг Эритрейского (древнее название Красного) моря.

---

[1] Ряд расшифровок «Сказания о Полифеме и Галатее» содержится в моей статье «Поиск естественной неестественности» на с. 157–160 наст. изд.

111. *…на ушке перламутровом, в отместку, / он блеск в златую заточил подвеску.* — Намёк на то, что жемчужная кожа Галатеи превосходит сияние жемчуга.

115. *Малыш крылатый* — Амур.

123. *…вода от Маяка на злобных скалах / до Мыса оконечности иной…* — То есть от маяка на острове Сицилия в Мессинском проливе до Лилибейского мыса.

132. *…плодом златым для быстроты смущённой…* — Аллюзия к древнегреческому мифу об Аталанте: знаменитая быстротой в беге, она предлагала искателям своей руки состязаться с ней. Гиппомен перехитрил её с помощью золотых яблок Афродиты, которые он во время бега ронял по одному: поднимая их, Аталанта отстала, и Гиппомен первым достиг цели.

141. *Цереры воз* — воз богини плодородия и урожая Цереры уподоблен молотилке.

147. *…золотого града гнёт…* — Горы пшеничного зерна.

148. *…шерсть, как снег, пушит бока вершинам…* — Имеются в виду отары овец.

150. *Выжатый кармин* — вино.

166. *…не слыша, чтоб скрипели пращи…* — Пращами отгоняли волков.

177–178. *…лавр… чей ствол ожогов солнечных не знает…* — Ствол лавра защищён пышной кроной.

179–180. *…жасмины (коих столько, сколько трав вкруг тела снежного)…* — Белизна «снежного тела» Галатеи схожа с обилием цветков жасмина среди травы.

184. *…дабы три солнца не спалили дня.* — Два солнца — глаза Галатеи.

185. *…Пёс рычащий ерошил шкуру звёзд своих…* — Подразумевается созвездие Большого Пса.

189–190. *…Запад спящий двух нежных солнц, чей сон двоит вода…* — Глаза уснувшей нимфы уподоблены зашедшему на западе солнцу.

192. *…хрусталь текучий и хрусталь застывший.* — Ручей сияет, как тело спящей Галатеи.

193. *Купидонова стрела* — Акид, чья красота ранит сердце Галатеи.

219–220. *…она… косою стала собственных лилей…* — Поднявшись, Галатея отделила от травы своё лилейное тело.

224. *…от льдистых перьев и капканов снега…* — Холодный страх сковывает Галатею, которая не может скрыться, уподобившись птице или лани.

231. *…хоть изваянье снега холодней…* — Скованная страхом Галатея.

234. *…иной урод…* — Намёк на присутствие сатира.

237. *…Младенец-бог в повязке* — Амур.

239–240. *…древу матери в трофеи — доныне гордый норов Галатеи.* — Акид надеется, что гордая нимфа, смирившись, станет трофеем на мирте — дереве Венеры (матери Амура).

243–244. *…в хрустальный тул злачёным остриём грудь белую он превратил…* — Грудь Галатеи, в которую угодила стрела Амура, уподоблена тулу (колчану).

259–260. *…на ложь ярясь риторики немой, сокрытой оным…* — Галатея сердится на многоречивое молчание Акида, соблазняющего её своим видом.

261. *…птичий князь…* — здесь: орёл.

272. *…Амур, что кистью грудь терзал…* — Амур с его стрелой уподобляется живописцу с кистью.

278. *…лучам почти запавшего светила…* — Волосы Акида сравниваются с лучами заходящего солнца.

296. *…стен не сломав, огонь вовнутрь ведёт.* — Аллюзия к Троянскому коню.

324–327. *…как тот, чей труд — всевечный голод и одни уроны… когда… хрусталь — уклончив, а плоды — как снег.* — Аллюзия к Сизифу. По одной из версий мифа, стоя по горло в воде, он не может напиться и, видя близ себя роскошные плоды, не может вкусить их.

332. *…к двум лепесткам карминным жадно льнёт…* — Подразумеваются губы Галатеи.

333. *Книд* — город в малоазийской области Греции, который славился культом Афродиты; *Пафос* — город на Кипре, являвшийся центром почитания этой богини.

338. *Грековы столпы* — Геркулесовы столпы.

346. *…флейты, кои воск связует плотно…* — Большая цевница Полифема.

350. *…нежа юный вяз лозой…* — Образ Галатеи, обнявшей Акида.

364. *…ты статной птицы краше и пышнее…* — Подразумевается лебедь.

370–371. *…хоть свет исчез… его двоит в глазах отроковица.* — Галатея удерживает в глазах сияние зашедшего солнца.

381. *…грубей музы́ки — да! — нет в глубине…* — Оппозиция «да–нет» нередко встречается в стихах Гонгоры.

400. *Юпитера бескрайних волн я сын…* — Циклоп бахвалится, что его отец — сам Нептун, который в море равен Юпитеру на суше.

403. *…на хрустальном троне властелин…* — Тот же Нептун.

420–421. *Там, узрив солнце моего чела, я узрил и зеницу небосклона…* — Циклоп, увидев в воде отражение своего ока, счёл солнце оком неба.

434–435. *…богатства, которые Восток… изрыгнул из пастей Нила.* — Восточные товары поступали в Средиземноморье через Нил.

441. *…бук лигурийский…* — Имеется в виду генуэзский корабль.

442. *Сабея* — древнее государство в южной части Аравийского полуострова, возникшее во II тыс. до н. э.; было перевалочным пунктом в торговле.

443. *Камбайя* — столица одноименного государства в одной из провинций Британской Индии.

446–447. *…гарпий своры два дня от моря уносили в горы…* — Грабители с окрестных гор.

448. *Второй доской стал генуэзцу грот…* — Пещера Полифема уподобляется спасительному обломку корабля, потерпевшего кораблекрушение.

454–455. *…зверя, что, пугая Ганг, нёс башни, сокрушая строй фаланг…* — Боевой слон.

461. *…мать превзойди и сыну вызов брось…* — Аллюзия к Венере и её сыну Купидону.

463–464. *…стать… морской Венерой, горным Купидоном…* — Призыв быть в море прекрасной, как Венера, а в горах — меткой лучницей, подобной Купидону.

481. *…испуга снежного…* — Подразумевается белейшая кожа испуганной нимфы.

483. *…ливийца зрит с его щитом в пустыне…* — Одноглазый Циклоп зорок настолько, что видит даже по ту сторону Средиземного моря.

484–485. *…он отрока, — сколь древних буков мог ревнивый гром смутить, — смутил…* — Крик Полифема подобен грому.

487. *…опережает гул слепящий луч.* — Намеренно оставленная в переводе неточность соответствующего стиха в оригинале (*previene rayo fulminante trompa*).

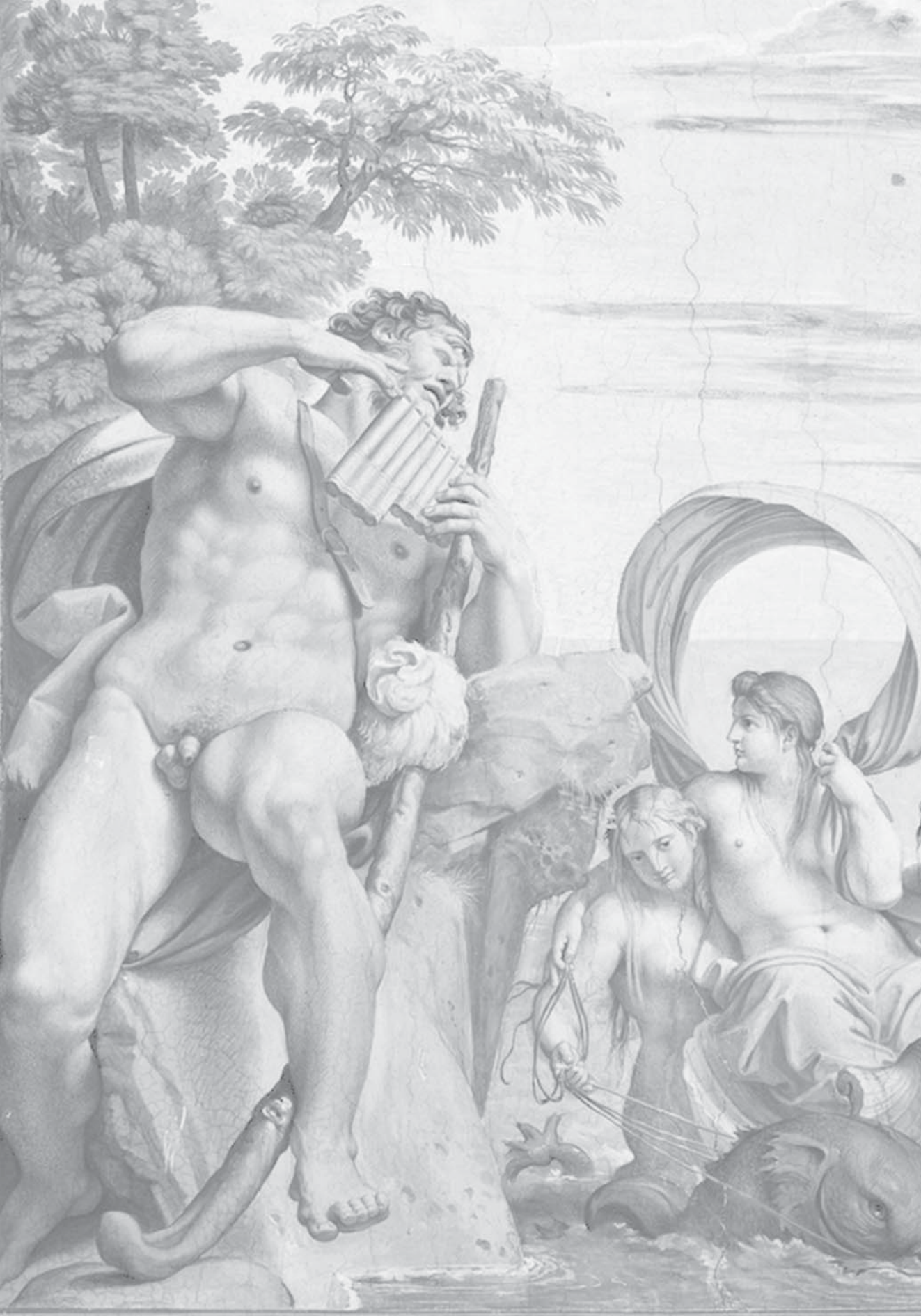
491. *…нет урн грузней, тяжеле пирамид.* — Уподобление скалы погребальным усыпальницам.

502–503. *Дорида… чтя зятя, нарекла его рекой.* — Дорида — в древнегреческой мифологии океанида — мать Галатеи; после того как раздавленный скалой Акид превратился в поток, назвала поток его именем.

Павел Грушко

Поиск естественной неестественности

Воссоздание образа поэмы Луиса де Гонгоры-и-Арготе «Сказание о Полифеме и Галатее» на русском языке



Это произведение, одно из наиболее барочных у великого испанского поэта XVII века Луиса де Гонгоры-и-Арготе, требует определённых познаний и немалых усилий даже от читателей испанского оригинала. С избытком наделённая приёмами изощрённого стиля, поэма изобилует тёмными местами, порой трудно поддающимися расшифровке, — в то же время многие из её октав привлекают неповторимыми, поразительно свежими красками.

Содержание поэмы — любовь нимфы Галатеи к Акиду, вызвавшая ревность и гнев циклопа Полифема, который убивает соперника, — история, пересказанная многими авторами, и прежде всего Овидием, однако перо Гонгоры придало этому сюжету редкостную яркость и завершённость.

При переводе главной трудностью и явилось посильное *воссоздание образа поэмы*, которая должна восприниматься современным русским читателем как произведение приверженца тёмного стиля, эрудита, не только знакомого со всем объёмом позднеренессансной культуры, но намеренно затемняющего своё творение.

Сам Гонгора объяснил, почему он это делает: «Открыв то, что находится под спудом этих тропов, сознание поневоле будет пленено и, пленившись, доставит себе удовольствие». Иными словами, Гонгора хотел пробудить любопытство читателя, распалить его страсть к разгадыванию, тем самым льстя себе разгадкой.

Что же это за тропы? Каковы способы их воссоздания на русском языке? Прежде всего рассмотрим лексический материал, словесную массу.

Это широкий круг имён, названий и понятий мифологических (*Талия, Полифем, Галатея, Нептун, Амур и т. п.*), географических (*Ниэбла, Уэльва, Пиренеи, Европа, Эритрея и т. п.*), космических (*Солнце, созвездие Пса и т. п.*). Они легко поддаются воссозданию и — в силу несколько большей отдалённости русской культуры от античных мифологий и средиземноморской географии — хорошо подчёркивают в переводе вычурный стиль поэмы, особенно в случаях придания отдельным именам архаичного написания: *Талья, Нептунов*. В некоторых

местах, из соображений рифмовки и для большего ритмического удобства, я заменял латинское имя греческим аналогом (*Амур — Купидон*) и наоборот, исходя из того, что и Гонгора не был в этом последователен.

Это и затемняющие стиль заимствования слов из других языков (чаще всего из латинского). За невозможностью черпать в большинстве случаев из этого источника (ибо у русского слуха нет родственной чуткости к латыни, как у испанского), я решил в данном случае использовать русские архаизмы и редкие синонимы, зачастую черпая из церковно-славянского, играющего в данном случае роль «русской латыни». Это такие глаголы, как *насказать*, *мниться*, *торить*, *сребрить*и т. д.; существительные *цевница*, *чертог*, *зрак*, *лилея*, *овчар*, *персты*, *око*, *первины*, *оратай*, *первоприплодье* и т. д.; прилагательные *полунощный*, *норовистый*, *светозарный*, *тороватый* и т. д.; наречия *от веку*, *доселе*, *стократ*, *тяжеле и т. д*. и другие формы: *сей*, *сколь*, *вкруг* и т. д. Из этого материала в сочетании с обычным, общеупотребительным словарём и реконструировались изобретательные гонгоровские приёмы.

Во-первых, метафоры-загадки, которые у Гонгоры образуются эпитетом в сочетании с подчас далёким существительным:

de la tierra bostezo — *земли зевок* (пещера);
la exprimida grana — *выжатый кармин* (вино);
ambas luces bellas — *два дивных солнца* (глаза) и т. д.

Во-вторых, замечательные гонгоровские двучленные, распахнутые, как крылья бабочки, строки:

peinar el viento, fatigar la selva —
не режешь высей, не томишь дубрав;
o purpura nevada, o nieve roja —
снег пурпурный иль пурпур снеговой.

В-третьих, причудливые волюты инверсий, как в нижеследующем фрагменте октавы:

Был как большая мускулов гора
свирепый сей (Нептунов сын, страшила,
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней старшего светила)
циклоп...

В-четвёртых, большие, порой переходящие из октавы в октаву периоды. В-пятых, аллитерации, как мягкие, так и обострённо подчёркнутые:

перстами цедит он густые струи;

он блеск в златую заточил подвеску;

там шерсть, как снег, пушит бока вершинам;

обвил стволы и обнял валуны.

Лишь в особо сложных случаях мы позволили себе поиск эквивалентов исходя из функции образа, стараясь посильно сохранить его структуру, а также звуковые и колористические черты, как, например:

que es rosas la alba y rosicler el día —
на мальву дня меняет мак денница.

Здесь, за отсутствием совпадающих по корню слова аналогов, мы заменили пару *rosas-rosicler* на *мальва-мак*, перенеся внимание с корневого подобия на звуковое (при сохранении «цветочной» природы образа) и усилив аллитерационный заряд строки новой парой *день-денница*. Мы сочли уместным уплотнение русского поэтического материала с помощью повышенной компрессии, сжатия, напряжения строки, а порою и целых блоков, что сближает, на наш взгляд, перевод с барочным оригиналом и отчасти с испанским стихосложением вообще, в котором наличие *синалефы* (соединение воедино последней гласной слога с первой гласной последующего слова) и дифтонгов повышает удельный вес строк:

коль ты уже у стен Уэльвы, граф;

стопы, чей страх утих, пыл гонит смело;

чем, нежа юный вяз лозой, в напасти...

При этом я исхожу, в противовес некоторым нормам «благочтения», из того, что русская речь, при всём консонантизме языка, обладает прекрасными артикуляционными возможностями, звуковым симфонизмом, который в данном

случае как нельзя более уместен. В отдельных случаях я намеренно оставил неточности, встречающиеся у Гонгоры, как, например:

Previene rayo fulminante trompa —
Опережает гул слепящий луч.

Выбирая способ рифмовки, я счёл необходимым чередовать от начала до конца поэмы мужские и женские рифмы, что соответствует балансу окончаний в русской поэзии. (Перевод одними женскими рифмами, какие только и наличествуют в оригинале «Полифема», практикой русского стихосложения определяется как монотонность.) Для придания ритму менее закованного хода я использовал ударения, «возбуждающие» канонический двенадцатисложный ямб, что, к слову сказать, «намекает» на менее акцентируемую структуру испанской силлабики. К примеру:

Был как большая мускулов гора... (‘ – – ‘ – ‘ – – – ‘)

Верней для аспида в траве засада... (– ‘ – ‘ – – – ‘ – ‘ –)

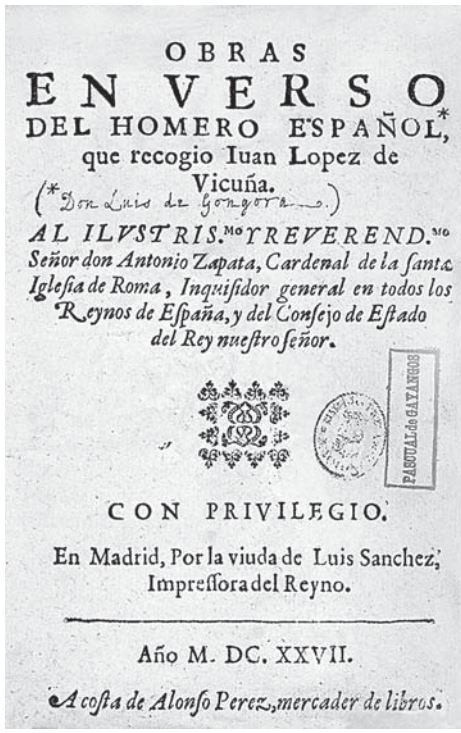
Коих и Акид умолить спешит... (‘ – – ‘ – – – ‘ –’)

Чтя зятя, нарекла его рекой... (‘ ‘ – – – ‘ – ‘ – ‘)

Избранный метод перевода мы определили бы как формально (отнюдь не формалистически) жёсткий метод, максимально использующий приёмы самого автора для перевыражения формы, которая является дополнительным «сопутствующим» содержанием. Иными словами, мы попытались подобным образом воссоздать образ поэмы, последовательно заимствуя у Гонгоры, как у «иноплеменника», несколько странные для языка перевода средства (по примеру самого поэта, откровенно заимствовавшего из других источников).

Разумеется, данный подход уместен далеко не всегда, а лишь в случаях, подобных этому, когда *естественна неестественность*, когда имеешь дело с произведением подобного стиля, который Дамасо Алонсо назвал «конденсатом, уплотнением до крайности всех элементов поэзии Возрождения».

Стихотворения



OBRAS
EN VERSO
DEL HOMERO ESPAÑOL,*
que recogio Iuan Lopez de
Vicuña.
(*Don Luis de Gongora.)
AL ILVSTRIS.MO Y REVEREND.MO
Señor don Antonio Zapata, Cardenal de la santa
Iglesia de Roma, Inquisidor general en todos los
Reynos de España, y del Consejo de Estado
del Rey nuestro señor.

PASCUAL de GAYANGOS

CON PRIVILEGIO.

En Madrid, Por la viuda de Luis Sanchez,
Impressora del Reyno.

Año M. DC. XXVII.

A costa de Alonso Perez, mercader de libros.

el q. ia Serenaba
la region de Su frente, raio nuebo
purpurea Serneruela conducida
de Su madre no menos enrramada
entre Albogues Se ofrece acompañada
de Juventud florida.

Qual de ellos las pendientes
Sumas graves
de negras, baja, de cristadas
aves
cuio lasibo esposo vigilante
domestico es del Sol nuncio canoro
i de coral barbado, no de oro
ciñe Sino de Purpura turbante

~~Treinta robustos mo... diestros~~
~~delas que aun los pitanzados pequeños~~
~~en la tierra hizieralos temer vibras~~
~~ne ier en la Vaca, no, los empalaguenos~~
~~del arco de Diana~~
~~d america Serrana~~

Quien la cerviz oprime
con la marañada copia
delos Cabritos mas retozadores
tan golosos, que gime
el q. menos peinar puede las flores
de Su guir nalda propria.

~~Quien ... graves Sumas~~
~~de pendien... las Gallinas~~ baja a cuestas
~~si corales las crestas~~
~~ayba cha las plumas~~
~~tan Saludables en todo qualquiera~~
~~que Su borla creciera~~
~~les dio la medicina~~
~~a lo gualda lo q. es purpura fino.~~

No el Sitio, no, fragoso
no el torcido taladro dela Sierra

Романсы[1]

3[2]

Девица, и статью
и ликом красна,
вдова не вдова
и жена не жена,
свой светоч в слезах
провожая на рать,
пеняла, печальная,
глядя на мать:

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

За что мне, родная,
в поре молодой,
не ведая счастья,
познаться с бедой
и с тем обручиться,
кто за семь морей
увозит ключи
от свободы моей!

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

Слезами застлало
очей торжество,

лишилась я радости
видеть его,
зачем мне глаза,
коль ушёл на войну
мой мир ненаглядный, —
оставил одну!

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

Корите вы ту,
что несчастнее всех,
я плачу, но разве
терзание — грех?
Добра мне желая,
не делайте зла,
я слёз не лила бы,
когда б умерла!

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

Будь сердце холодным,
да хоть из кремня, —
кто плакать не станет,
взглянув на меня, —
не горько ли видеть,
как вянет живьём
пунцовая роза
в расцвете своём!

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

Так сгиньте же ночи,
в которых нет глаз,
чей свет и в моих

до рассвета не гас!
Как жить мне, что делать
с моей однотой
в постели с одной
половиной пустой!

«Пойду на откос,
ослепну от слёз!»

1580

4

Сестрица Марика,
на праздники нас
никто не заставит
отправиться в класс.
Ты юбку с жилеткой
наденешь цветной
и сетку приладишь
под гребень резной.
Я в новой сорочке
играть побегу
и в куртке, которую
так берегу,
да бабкин подарок
пасхальный возьму —
берет, и к берету
прилажу тесьму,
святую тесёмку,
алее всех роз, —
её мне сосед
с богомолья привёз.
Мы к мессе с тобою
поспеем с утра,
даст денежку тётя —

жена глинчара.
Мы купим на полдник
(но только молчок!)
турецких бобов
и люпина кулёк,
а по́д вечер в сквере
мы станем играть,
я — в тореадора,
ты — в дочки и мать
с сестрой Мадаленой,
с Хуаной сестрой,
с кузиной Марикой
и Лолой кривой,
а вынесет мать
кастаньеты на двор,
ты будешь до ночи
плясать для сестёр.
Малышка Андреа
под бубен споёт:
«*Не верю я, мама,*
в траву-приворот!..»
А я из бумаги
ливрею скрою
и тутовым соком
её побагрю,
и шапку с зубцами,
а к ней на бока —
два чёрных пера
из хвоста петушка,
которого мы
перед самым постом
в саду апельсинами
насмерть забьём.
Потом на тростинку
я флаг нанижу,
две белые кисти
к нему привяжу,

из кожи я вырежу
морду коня
и к палке прилажу
узду из ремня,
помчусь на дыбках,
а за мной полетят
на площадь соседнюю
тридцать ребят,
скрестим камышинки
мы в честном бою,
и, может, Барболу
я встречу мою,
дочь пекаря — ту,
что живёт за углом,
она мне пирожные
носит тайком —
пирожные с кремом,
не сыщешь вкусней,
блудить[3] за дверями
мне нравится с ней.

1580

11

Пасха девушкам мила,
да прошла![4]

Хохотуньи, попрыгуньи
из квартала моего,
бойтесь Времени — юницам
только горе от него.
Как бы вас не усыпила
пышной молодости лесть!
Из цветов увядших Время
норовит гирлянды плесть.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Годы быстрые несутся,
легче ветра их крыла,
словно гарпии, уносят
наши яства со стола.
Не на это ли пеняет
ароматный чудо-цвет,
растерявший на закате
то, что дал ему рассвет?

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Вам заутреней казался
вешней жизни перезвон,
а уже вечерним звоном
душу вам печалит он, —
обесцветил ваши щёчки,
отнял блеск и лёгкий шаг,
срок пришёл, и ветхость ваша
вас лишает юных благ.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Та, чьи очи голубели,
а коса златой была,
нынче злится, желтолица,
не глядится в зеркала,
потому что лоб атласный
и младая кожа щёк,
как епископская ряса —
в складках вдоль и поперёк.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

А другая, у которой
лишь один остался зуб
(да и этому могилой
стал намедни жидкий суп),
так воскликнула, рыдая:
«Мой единственный зубок!
Ты ль жемчужной белизною
женихов ко мне не влёк!»

Пасха девушкам мила,
да прошла!

И поэтому, глупышки,
прежде, чем придёт пора
разменять златые косы
на кудель из серебра, —
любят вас — и вы любите,
навострите зоркий глаз:
иль не видите, что рядом
кое-кто проворней вас?

Пасха девушкам мила,
да прошла!

1582

12

К жёсткой прикован скамейке
раб на турецкой галере —
руки впиваются в вёсла,
очи впиваются в берег.
Пленник Драгута[5], под стоны
вёсел и вызвон кандальный,
глядя на берег Марбельи[6],
морю пеняет, печальный:
«Море, священное море,

чьи побережия в пене
стали ареной для стольких
страшных кораблекрушений,
наше испанское море,
льнущее нежным приливом
к стенам любезной отчизны,
царственным и горделивым,
весть от жены принеси мне —
вправду ли сохнет родная,
как в письмеце написала,
долю свою проклиная?
Если и вправду роняет
слёзы с откоса, то вскоре
ты превзойдешь жемчугами
дальнее Южное море[7].
Море священное, слышишь, —
просят о милости двое,
ты ведь не рыба, а море, —
что же молчишь, как немое?
Может, она утопилась,
долгой не вынесла муки?
Только не верю я в это —
я же не умер в разлуке.
Десять годин бесконечных
я без неё и свободы,
цепью прикованный к вёслам,
жив, презирая невзгоды!»
Тут вдалеке забелели
шесть парусов нашей веры[8],
и содрогнулся под плетью
пленник турецкой галеры.

1583

23

Служил королю в Оране
испанец с двумя пажами,
а сердцем своим и жизнью
служил смуглокожей даме,
и любящей, и любимой,
и благородной, и нежной, —
с ней был он, когда тревогу
пробили в ночи кромешной.
Три сотни берберов стали
причиной ночной тревоги —
луна их щиты лучами
нашла на глухой дороге,
щиты сообщили тайну
немотным вышкам дозорным,
вышки — кострам тревожным,
костры — барабанам и горнам,
а те — влюблённому другу,
который на нежном ложе
застигнут нежданным громом
военной меди и кожи.
Присяга воина шпорит,
любовь арканит на месте:
но выйти на сечу — трусость,
уйти от милой — бесчестье.
Он выхватил меч, и тут же
его обняла за плечи
подруга, чьи слёзы были
красноречивее речи:
«Ну что же, ступайте в поле,
а я умру от рыданий,
без вас постель моя станет
безрадостным полем брани.
Ну что ж, наденьте доспехи,
порадуйте генерала:
любви моей — у вас вдосталь,

а вас ему — недостало.
А лучше нагим бегите,
слезам моим вы не вняли,
и, значит, вам щит не нужен —
ведь ваше сердце из стали...»
Но храбрый испанец, внемля
её мольбе неуклонной,
ответил своей сеньоре,
и нежной, и огорчённой:
«Верность любви и чести
храня всегда и повсюду,
я буду с вами душою,
а телом в сражении буду.
Позвольте уйти солдату,
и пусть он внемлет, царица,
набату во имя ваше,
во имя ваше сразиться».

1587

28

Оружьем владеют ловко
и в сече храбры отменно
все мавры из Канастеля[9],
но нет храбрее Асена:
Роланд Берберийский ужас
наводит на поле брани
на португальца в Сеуте
и на испанца в Оране.
И был бы самым счастливым
Асен, когда бы не случай —
когда бы смог он закрыться
щитом от стрелы колючей,
которую Белерифа,
дочка Али Мулея,

метала из лука тугого,
сердец мужских не жалея.
Послушный её капризам,
любовных причуд радетель, —
Божок, чьи очи в повязке,
тому судья и свидетель.
Уже африканец грозный,
отведав в одно мгновенье
предательскую надежду
и верное огорченье,
сдаётся в полон врагине,
вручив ей с душою вместе
ключи от своей свободы
и стяги веры и чести,
а та, в седле или пеша,
сквозь заросли с тропок торных,
глядит, как зверь покорённый —
вожак зверей непокорных —
своей королевской гривой
и страшною кожей чёрной
творит раболепно стену
вокруг красы её вздорной.
Гордец, которому равных
не сыщешь в Африке целой,
кто смуглых девиц пленяет
своею накидкой белой,
кто мчит на карей кобылке,
чьи столь воздушны копытца,
что даже песок не может
печатями их разжиться,
а бесподобная сбруя
из тонкого филиграна
ничем не унизит славы
кордовского чекана, —
душой стремится к балконам,
где благо его гнездится:
издали глянуть — голубка,

а подойдёшь — орлица.
Потешив своим недугом
сына Венеры[10] вволю,
несчастный мавр, проклиная
лютую свою долю,
следит за красою смуглой,
застигнутой среди сада
заботой, чьё нежное имя
не знает его отрада, —
уже гвоздику вплетает
она в золотые пряди
и тщетно остыть стремится
в озёрной льстивой прохладе,
и, грудью тревожа заводь,
охваченная томленьем,
свои прекрасные очи
поит своим отраженьем.

Негаданной перемене
рабыни её дивятся,
из коих одна сказала,
прикрыв улыбкой злорадство:
«Бог видит, моя сеньора!
Пускай из-за козней беса
вовеки мне не увидеть
родимых башен Хереса,
если в этом лукавстве
птенец Любви[11] не таится,
который недели за две
окрепнет и оперится!»
И стыд ей кожу усеял
розами алого цвета
и лилиями, поскольку
стыд не находит ответа.
И вот уже мечет Эрос,
забыв обо всём на свете,
самые острые стрелы,

самые крепкие сети.
И бедная Белерифа
так же встречает врага,
как светозарного Феба*
весною встречают снега.

1590

30

Льёт слёзы невеста,
и есть отчего,
пропал её милый,
тоска без него.
Оставил девчушкой,
в ту пору ей лет
всего-то и было,
сколь минуло вслед.
Льёт слёзы в разлуке,
легко ли одной,
а солнце за солнцем,
луна за луной,
и память всё нижет
жестокой рукой
печаль за печалью,
тоску за тоской.

Устала пенять,
а слёз не унять.

И матушка тянет
к ней руки с мольбой:
«Не кончишь реветь,
я покончу с собой».
А дочь неутешная
ей говорит:

«В два глаза не выплакать
стольких обид.
Мне, матушка, слёз
не унять нипочём,
забыть бы хотела,
а слёзы ручьём,
их столько же, сколько
пленяющих стрел
вонзил в моё сердце
крылатый пострел[12].
Я песни забыла,
а петь соберусь,
в напевах одна
бессловесная грусть:
ведь тот, кто уехал,
вина моих слёз,
молчанье оставил,
а голос унёс.

Устала пенять,
а слёз не унять

1590

39

Пену веслами взбивая,
увлечённые охотой,
мчат галеры Барбароссы[13]
за малюткой-галеотой[14],
на которой мальоркинец,
бороздит простор с невестой —
нежною валенсианкой,
столь же знатной, сколь прелестной.
Удостоенный любовью,
он к родной Мальорке мчится,

чтобы славно справить Пасху
и с любимой обручиться.
Сколь ни унижала волны
сноровистых вёсел сила,
сколь ни тщился белый ветер
слиться с белизной ветрила, —
из-за мысов вероломных,
словно зверь к добыче свежей,
подбирался смертный ужас
всех испанских побережий.
Он застал врасплох добычу,
кровожадною короной
вознеся четыре мачты
над одною обречённой.
Этих — алчное желанье,
тех — тоска и страх снедает,
и, роняя бисер влажный,
дама горестно рыдает:
«Милый мой попутный ветер,
если ты наперсник Флоры*, —
насладясь моею данью,
защити от хищной своры!
Ты, который в гневе можешь
в щепы на песчаных косах
корабли разъять — страшнее,
чем на вздыбленных утесах,
ты, одной и той же силой
в злости и в смиренье кротком
разбивающий армады,
не чиня ущерба лодкам, —
ветер, помоги ветрилу
ускользнуть от рук тирана,
как голубке белокрылой
от когтистых лап орлана!..»

1593

48[15]

В бедной хижине пастушьей,
чьи война простила стены
(то ли их дубы укрыли,
то ли были столь презренны),
где пастуший мир в овчине
гонит в предрассветной рани
в горы с поля козье стадо
или в поле с гор — баранье, —
гостем отрок, чья удача —
излеченье от увечий,
и кого Амур сподобил
не стрелой, а доброй встречей:
жилы, в коих крови мало,
очи, в коих ночи много,
в поле узрила младая
участь племени мужского.
Знать не зная сарацина[16],
сходит тут же с иноходца,
видя сколькими цветами
свежей крови воздаётся.
Гладит лик его и чует
жар Амура в розах кожи,
чьи от смертного дыханья
лепестки на снег похожи.
В розах тот за тем таится,
чтоб стрела его литая
юной кровью благородной
доняла алмаз Катая[17].
И уже — Божок проворный —
взор ей дарит, душу тронув
жаркой жалостью, рождённой
среди нежных скорпионов.
Так её кремень рассыпал,
ощутив удар нежданно,

искры влажные — о жалость,
дочь измены и обмана!
Язвы травами врачует,
пусть пока и без успеха,
кои в этих дивных дланях —
ранам лестная утеха.
Ей Амур повязку дарит,
но она, порвав одежды,
раны юноше бинтует:
прикрывает Солнце вежды!..
Был последний узел стянут
в миг, когда — хвала Зевесу —
селянин на лошадёнке
появляется из лесу.
И ему препоной стало
девы горькое стенанье —
оторопь стволов могучих
и глухих камней вниманье.
Та, для чьих копыт уместней
лес, чем площади дворцовы,
добротою отвечает
на отчаянные зовы.
Селянин на лошадь робко
помещает иноверца,
в коем стало крови мало,
но взамен неё — два сердца,
и тропу (хотя Светило
и рассталось с окоёмом)
к дому ищет, не по стрелке —
по дымку над милым домом,
где учтивая селянка
незнакомцев приютила
(в нём два сердца еле живы,
слепы два её светила).
Не пером, а мягким сеном
ровно устилает ложе —

не оно ли для счастливца
брачным сделается позже?
Пальцы, божества земные,
в ту же ночь легко и споро,
силы юные удвоив,
возвращают жизнь Медоро
и вручают с целым царством
красоту, стократ милее
первой страсти Адониса[18]
и второй тщеты Арея[19].
И уже бесстыдным роем
купидончики над кровом
разжужжались, точно пчёлы
у дупла в стволе дубовом.
(Сто узлов завяжет зависть
на хвосте змеи для счёта:
сосчитать все поцелуи
голубей — её забота,
но Любовь исхлещет Зависть,
как бичом, хвостом змеиным,
дабы грязь не приставала
к белым перьям голубиным!)
От одежд его струится
дивное благоуханье,
он забросил лук и стрелы,
позабыл о ятагане.
Он теперь не трубам внемлет, —
а призывным птичьим стонам,
шарф кисейный Афродиты* —
вместо стяга над влюблённым.
А у девы грудь открыта,
и на ней — волос лавина
(брошь нужна — сорвёт гвоздику,
шпилька — веточку жасмина).
Пав к ногам её, колосья
снег её[20] обули в злато,

дабы ноги не исчезли
под лучами супостата.
Поутру раскрыт над ними
веер стаи быстрокрылой,
ветерки им слух ласкают
лестью или сплетней милой.
Нивы им ковёр подносят,
лес — прохладные палаты,
ключ поющий — сновиденья,
соловьи — свои кантаты,
а деревья имена их
на кору свою стяжали
в пику мраморной колонне,
к сраму бронзовой скрижали.
Каждый ясень, каждый тополь —
их имён лесная веха,
клич «Анхе́лика» кочует
по долинам, словно эхо.
Даже гроты, где безмолвье
мраку не уступит бездны,
их объятьями обжиты,
коим страхи неизвестны…
Дом, чьё ложе стало брачным,
вы, селяне-хлебосолы,
воздух, ключ, дубы и нивы,
птицы, луч, цветы и долы,
ясень, тополь, гроты, кручи, —
этой неги очевидцы, —
да хранит вас Громовержец
от Орландовой[21] десницы!

1602

52

Над рекой горянки пляшут
среди сосен поутру,
Хукар[22] на камнях играет,
ветер — на ветвях в бору.
Не из водной колыбели
стая белая наяд
и не спутницы Дианы,
коим лес покорный рад, —
а горянки, свет Куэнки[23],
чьё подножье среди трав
две реки целуют нежно,
ноги им поцеловав.
Как венок, сплели весёлый
хоровод из белых рук,
чтобы переменой в танце
не порушить дружный круг.

Славно пляшут поутру
девушки в бору!

Аравийским златом блещут,
множат Фебовы лучи
косы их, всех роз пышнее, —
ослепительней парчи.
Их Куэнка облачила
в цвет небес и цвет надежд —
ни сапфирам, ни смарагдам
не унизить их одежд.
Ножка (если только юбка
отворит просвет для глаз)
на снегу жемчужно-белом
бантом очарует вас —
так в круженье соразмерном,
скромной копией колонн,
на нежнейшем пьедестале
столп хрустальный вознесён.

Славно пляшут поутру
девушки в бору!

Черноту агатов звонких
ранит пальцев белизна, —
инструмент слоновой кости,
что и Муз лишает сна:
молкнут птицы, стынут листья,
и река смиряет ход,
чтоб услышать, как юница
поутру в бору поёт:

«Горянки с гор Куэнки
в бору чаруют вас,
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс.

Бьют шишкою о шишку,
орешки шелушат,
а то и жемчугами[24]
их вылущить спешат,
смеются, отвергая
любовных стрел алмаз,
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс.

Слепой божок у Солнца
глаза занять бы рад,
чтоб углядеть горянок,
которые летят
по Солнцу, что под ноги
им стелет сотни глаз, —
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс.

1603

55

Я про Пирама и Фисбу*
с позволения гитары
вам поведаю — про верность
и страданья юной пары.
Как и вам, мне не известно,
кто их родичи, лишь знаю,
как зовётся их отчизна,
а засим я начинаю.
Серебра была светлее
Фисба, младости картина,
отсвет хрусталя и злата,
двух смарагдов и рубина.
Словно памятки златые —
в перстни свившиеся кудри.
Лоб её — как жаркий полдень,
отражённый в перламутре.
А глаза — само веселье,
если не сполох надежды.
чьи берёт весна оттенки
в день триумфа на одежды.
Губы Фисбы — из кармина,
зубы — белых перлов нити
(ведь и вы в суконке — злато,
жемчуг — в кумаче храните).
Так Венера с юрким сыном
с помощью трёх юных граций
примешала к нежным розам
белых лепестков акаций.
Ни дитя, ни дева (зубки
скажут вам о том же самом),
в туфлях, тесных с непривычки,
с пряжкою, на зависть дамам.
Был отец смиренный старец,
матушка — точь-в-точь колода,

милые простолюдины,
мягче воска, слаще мёда.
Что бы дочка ни спросила,
старики всегда на страже:
молоко лебяжье спросит —
сливки ей несут лебяжьи.
Это ль диво, если в мире
не сыскать прелестней чада?
Очи, милые двум душам,
четырёх очей услада,
материнских рук сноровка
и забота рук отцовых;
прежде — Зорька колыбели,
нынче — День перин пуховых…

1604

58

На сад погляди цветущий,
милая Исабель:

весною — горькая завязь,
а летом — медовый хмель.

Ревнуешь, про сон забыла
и сердишься, что жених
доволен (ведь ты ревнуешь)
и слеп (глядит на других),
жесток (трунит над тобою),
заносчив (давно пора
сегодня же извиниться
за то, что было вчера).
Пускай надежда осушит
весенних очей капель,

а ревность — залог приязни,
ведь вы влюблены досель:

весною — горькая завязь,
а летом — медовый хмель.

Аврора, сестра Авроры,
зачем в предутренний час
влюблённых глаз пробужденье
туманить затменьем глаз?
Свой взор проясни — жемчужин
не жертвуй зря гордецу,
ведь то, что к лицу Деннице,
сиянью Дня не к лицу.
Туман прогони, чтоб видеть
яснее милую цель.
Кому не известна ревность
и вздохи первых недель?

весною — горькая завязь,
а летом — медовый хмель.

1608

87

Береги ягнят, пастушка,
а не честь свою: ведь тот,
кто тебя красоткой сделал,
от тебя другого ждёт.
Ты чиста, как непорочный
горностая белый мех,
но ведь мех снимают на ночь,
неужели это грех?
Неприступность — свойство камня,

а девице не к лицу,
но и камень, как ни крепок,
подчиняется резцу.
В бурю выстоит ракита —
у неё нога крепка,
а листочки — верят даже
дуновенью ветерка.
И лоза, что обвивает,
словно дочь, замшелый вяз,
лавру гроздья налитые
выставляет напоказ.
Не одной пчеле подставил
губы алые цветок,
и другие вправе пчёлы
сладостный отведать сок.
Гладь зеркальная речная
лику милому верна,
но исчез он — и другого
отразит в себе она.
Образец непостоянства
Афродиты сын Эрот*:
он из перьев крылья ладит
и на стрелы их берёт.
Не гаси сухим расчётом
жар, пылающий в крови,
пусть ни верность, ни измена
не главенствуют в любви.
Нить златая не удержит
вольных девичьих волос,
лишь бечёвка шерстяная
обуздает тяжесть кос.
И на солнце, не мигая,
не гляди, а кто орлом
на него глаза таращил,
тот ослеп, и поделом.
Под покровом белых крыльев

ты напрасно прячешь страсть,
словно птица той Богини,
что из пены родилась[25].
К богу юному взывая,
полюбившемуся ей,
нимфа высохла и стала
тихим эхом средь полей.
Если хочешь, злая дева,
над округой в час ночной
неприкаянно метаться, —
то и впредь гнушайся мной.

1621

Летрильи[26]

95

Что скорлупки заменили
туфли моднице Менгилье, —
что ж,
но чтоб Менга без помоги
в два корыта вдела ноги —
ложь.

Что женился дон Бездельник
на красавице без денег, —
что ж,
но что он не пустит смело
красоту супруги в дело, —
ложь.

Что у всенощной вдовица
тихо стонет и томится, —
что ж,
но что стонет без расчёта,
чтоб её утешил кто-то, —
ложь.

Что нарядов у красотки
тьма и муж отменно кроткий, —
что ж,
но что муж не знает, скаред,
кто жене обновы дарит, —
ложь.

Что старик седым ложится,
а наутро — как лисица, —
что ж,
по что луковый отварец
на себя не вылил старец, —
ложь.

Что клянется дон Подонок,
будто вкусным был цыплёнок, —
что ж,
но что мы от зубочистки
не узнали о редиске, —
ложь.

Что отцу искать не к спеху
мужа, дочери в утеху, —
что ж,
но что, времени не тратя,
дочь отцу не сыщет зятя, —
ложь.

Что для бледности невинной
дама лакомится глиной, —
что ж,
но поверить, что сеньора
не страдает от запора, —
ложь.

Что, молясь о сыне в храме,
дева сохнет над свечами, —
что ж,
но не знать, какая свечка
принесет ей человечка, —
ложь.

Что юрист из Саламанки[27]
узнаётся по осанке, —
что ж,

но что новые перчатки —
не свидетельство о взятке, —
ложь.

Что больных врачует гений
сотней мудрых изречений, —
что ж,
но чтоб нас не излечила
смерть ученого светила, —
ложь.

Что у франта наготове
поговорка и присловье, —
что ж,
но что мы, сказать по чести,
не нашли их во «Флоресте»[28], —
ложь.

Что внимает серенаде
Менга со слезой во взгляде, —
что ж,
но что ей не снится проза
вроде денежного воза, —
ложь.

Что священник упоённо
проповедует с амвона, —
что ж,
но что лучшие цитаты
не из книг чужих изъяты, —
ложь

Что гитара до рассвета
может тренькать то да это, —
что ж,
но что нас не доканали
упражнения канальи, —
ложь.

Что солдат корабль оставил
и домой стопы направил, —
что ж,
но что он вернулся с брани,
потому и ходит в рвани, —
ложь.

Что от скромного поэта
по два года ждешь сонета, —
что ж,
но что чванный нескладёха
в день не сложит двух и плохо, —
ложь.

Что подай в мужья дикуше
тихий нрав при звонком куше, —
что ж,
но что с нею спать не вправе
звонкий куш при тихом нраве, —
ложь…

Что у выкреста деньжат
взять взаймы крещёный рад, —
что ж,
но что в день святого рядом
кредитора видеть рад он, —
ложь.

Что дублоны к скупердяге
приплывают по сотняге, —
что ж,
но что сын, гуляка тонкий,
их не спустит по тысчонке, —
ложь.

Что Нарцисс* главой своею
что ни день в раю по шею, —
что ж,

но что зад его прекрасный
не терзает ад ужасный, —
ложь.

1581

96

Был бы в сытости живот,
а молва не в счёт[29].

Про монархов рассуждаем,
про раздел всея земли,
а меня — не обдели
маслом, свежим караваем,
дай зимой варенья с чаем,
водки, чтоб согреть живот,
а молва не в счёт.

Пусть на серебре и злате
принц снедает целый куль
позолоченных пилюль,
чтобы трапезу прияти,
мне и шкварки будут кстати —
прямо с противня да в рот,
а молва не в счёт.

В январе, когда на склоны
снег покровом хладным лёг, —
мне бы жаркий камелёк,
да орешки раскалёны,
да про дни седые оны
поскладнее анекдот,
а молва не в счёт.

У купца к монетам рвенье,
чтоб звенели в кошелю,
я же поутру люблю
блеск ракушек в белой пене
и внимаю Филомене*
там, где ива воду пьёт,
а молва не в счёт.

Юный грек[30] в порыве смелом
к жрице Геро* ночью плыл,
а меня в давильню пыл
к струям гонит алым, белым,
где блажен душой и телом
посреди пьянящих вод,
а молва не в счёт.

Пирам, Фисбой упоённый,
повенчал себя мечом,
кровью, хлынувшей ручьём,
мне — по сердцу торт слоёный:
мой резец, в него вонзённый,
поострей меча сечёт,
а молва не в счёт.

1581

145

Нет, не только соловей
славит милую с ветвей, —
с поднебесного шатра
бубенцы из серебра
и свирели золотые
чествуют Зарю с утра
и Светила молодые.

Не одних Сирен* перёных
голоса нежны весной,
коим пенною волной —
купы тополей зелёных, —
в нежных зовах упоённых
горний свод взывает к ней:

нет, не только соловей
славит милую с ветвей, —
с поднебесного шатра
бубенцы из серебра
и свирели золотые
чествуют Зарю с утра
и Светила молодые.

Сладость, что с высот струится,
негой душу напоив,
не пернатых Лир мотив,
не крылатая Скрипица, —
инструмент иной стремится
цель настичь стрелой своей:

нет, не только соловей
славит милую с ветвей, —
с поднебесного шатра
бубенцы из серебра
и свирели золотые
чествуют Зарю с утра
и Светила молодые.

Сонеты[31]

216

НА СМЕРТЬ ЮНЫХ СЕНЬОР, ДВУХ СЕСТЁР, УРОЖЕНОК КОРДОВЫ[32]

Ко двум хрустальным урнам припадая,
застывшим на подножиях стеклянных,
страдает Бетис[33] возле бездыханных
двух нимф*, в сыром прибежище блуждая.

Столь их краса ему мила, младая,
что, нимф иных не видя, обуянных
тоской при виде двух кончин нежданных,
он, над телами хладными рыдая:

«О души, — молвит, — ваш полёт безгрешный
следить бы я хотел к священным гнездам,
где свет не меркнет, сам себе довлея!

И небо, видя плач мой неутешный
и вашу прелесть, нас подарит звёздам, —
двух новых Близнецов и Водолея!»

1582

217

Чистейшей чести ясный бастион
из легких стен на дивном основанье,
мел с перламутром в этом статном зданье,
божественною дланью сочленён,

коралл бесценный маленьких препон,
спокойные оконца, в чьем мерцанье
таится зелень изумрудной грани,
чья чистота для мужества — полон,

державный свод, чья пряжа золотая
под солнцем, вьющимся вокруг влюблённо,
короной блещущей венчает храм, —

прекрасный идол, внемли, сострадая,
поющему коленопреклонённо
печальнейшую из эпиталам!

1582

218

Златое Солнце вышло на порог
Востока, вслед пылающей Авроре:
пунцовые цветы в её уборе,
на нём лучей сверкающих венок.

Руладами восторга и тревог
омыли птицы в крепнущей лазори
(те в нежных трелях, эти в горькой вторе)
студёный воздух и зелёный лог.

Тогда, явившись миру, Леонора
в своих палатах утренних запела,
даруя ветру плоть, а камню — дух.

Умолкли птицы, выцвела Аврора?
Или она, явившись мне, успела
похитить — Господи! — мой взор и слух?

1582

220

О чистая душа текучей глади,
серебряного ручейка покой,
простёртого ленивою лукой,
поющего в медлительной усладе!

Ты отраженье дал моей наяде,
меня тревожа негой и тоской,
она лицо — свой снег и пурпур свой —
в твоей обрящет блещущей прохладе.

Теки, как тёк: уверенной рукой
хрустальные держи потуже вожжи,
смирив теченья норовистый ход:

негоже, чтоб её красу кривой
узрел, простёртый на глубинном ложе,
с трезубцем стылым Повелитель Вод[34].

1582

223

От горьких вздохов и от слёз смущённых,
исторгнутых душой, лишённой сна,
влажны стволы, листва сотрясена
седых дерев, Алкиду посвящённых[35].

Но заговором ветров возмущённых
листва от гнета вздохов спасена,
и влага слёз в стволах потаена —
уже ни слёз, ни вздохов укрощённых.

Мой нежный лик и тот расстался с данью
очей моих — она бесплотной дланью
тьмы — или ветра — стёрта потому,

что дева-ангел, дьявольски земная,
не верит мне: горька тщета двойная —
вздыхать на ветер и рыдать во тьму!

1582

226

Король всех рек[36], стремительный поток,
чья слава — волн хрустальных отраженье,
на чьё чело и космы в белой пене
сосновый бор короной пышной лёг

там, где за ближнею горой исток
сестры Сегуры[37], — ты, в своём движенье
по землям андалузским, в гордом рвенье
кипящий на стремнинах грозный бог, —

мне, чуть живому от любовной неги,
поправшему на благодатном бреге
песок твой славный жалкою стопой, —

скажи: ты видел на своих откосах
среди пастушек золотоволосых
красу, что Клори превзойдёт собой?

1582

228

Покуда злату горше всех обид
волос твоих злачёные каскады
и лилия, как ей глаза ни рады,
твой белоснежный лоб не умалит,

покуда рот, чей дразнит жаркий вид,
отвёл от мака страждущие взгляды,
а горло в пору утренней прохлады
своим сияньем и хрусталь затмит, —

лоб, горло, рот и волосы, цветите,
доколе — вами бывшие в зените —
хрусталь и злато, лилия и мак

не только потускнеют и увянут,
но вместе с госпожой своею канут
в скудель, туман, земную персть и мрак.

1582

235

Мария, ослепляющая нас
умом своим и красотой в зените, —
пока Денница льнёт к твоей ланите,
а День к челу, а Феб к алмазам глаз,

и дерзкий ветер для незлых проказ
летучее руно избрал, чьи нити
Аравия хранит в земном укрытьи[38]
и Тахо в дюнах золотых припас, —

покуда Феб сияющий не тмится,
и блещущему Дню не мил ночлег,
и смертоносных туч бежит Денница,

а то, что было златокудрым кладом,
не серебрит победно белый снег, —
сполна упейся цветом, светом, златом!

1583

236

ХУАНУ РУФО О ЕГО «АУСТРИАДЕ»[39]

Мой Руфо, новый Цезарь[40] был тобой
столь пламенно воспет, столь величаво,
что не решить, за кем осталось право
быть первым, кто из вас двоих герой?

Желает Фама*, суд свершая свой,
чтобы двоим принадлежала слава,
двоих не погребла забвенья лава,
венец лавровый был — его и твой.

Равны вы оба по уму и силе,
в своём искусстве каждый победитель,
в изящном слоге — ты, в сраженье — он.

По праву вас обоих наградили:
его — мечом разящим Марс-воитель,
тебя — священной лирой Аполлон!

1585 [1584]

237

Так разнозвучно и в таком томленье
рыдает соловей, что я готов
поверить, будто сонмы соловьёв
в его стеснённом горле множат пени.

Как будто о бесчестном преступленье
оповещая братьев-певунов,
он пишет, скорбный, жалобу без слов
на изумрудных листьях этой сени.

Не зли Судьбину — не в твоей ли власти
сменить жильё и выплакать несчастье,
твой клюв свободен и крыло твоё.

Пусть тот скорбит, кто, в камень обращённый,
не может, зачарованный Горгоной*,
ни плакать, ни сменить свое жильё.

1584

238

Сладчайший рот, чьи манят жемчуга
испить нектар, затмивший знаменитый
ликёр, Юпитером* на Иде питый,
чей всех прекрасней винолий-слуга[41], —

влюблённые, коль жизнь вам дорога,
не троньте, — меж пунцовых губ сокрытый,
грозит Амур стрелою ядовитой,
как жало ждущего в цветах врага.

Не обольщайтесь тем, что рдеют ало
и пахнут, влажно бисером сверкая,
как розы с пурпурных Авроры гряд, —

не розы это — яблоки Тантала*
влекут и ускользают, завлекая:
любовь истает, остаётся яд.

1584

239

Не столь смятенно обойти утёс
спешит корабль на пасмурном рассвете,
не столь поспешно из-под тесной сети
пичугу страх на дерево вознёс,

не столь — о нимфа — тот, кто вышел бос,
бледнеет, убегая, как от плети,
от луга, что в зелёном разноцветье
ему змею гремучую поднёс, —

чем я, Любовь, от взбалмошной шалуньи,
от дивных кос и глаз её желая
спастись, стопам препоручив испуг,

бегу от той, кого воспел я втуне.
Пускай с тобой пребудут, нимфа злая,
утёс, златая сеть, весёлый луг!

1584

240

Фантазия, смешны твои услуги, —
напрасно тлеет в этом белом сне
запас любви на призрачном огне,
замкнув мои мечты в порочном круге, —

лишь неприязнь на личике подруги,
что любящему горестно вдвойне:
как нелюдимый лик ни дорог мне, —
уж это ль снадобье в моём недуге?

А Сон, податель пьес неутомимый
в театре, возведённом в пустоте,
прекрасной плотью облачает тени:

в нём, как живой, сияет лик любимый
обманом кратким в двойственной тщете,
где благо — сон и благо — сновиденье.

1584

242

Не вами ли оплакан Фаэтон*
испепелённый, лиственные дивы,
не умалят ни пальмы, ни оливы
прохладного величья ваших крон.

Наяд* игривых белый легион
(сколь солнечные стрелы ни гневливы)
чтит больше вашей тени переливы,
чем тихого ручья зелёный склон.

Целует (сколь ни люто лето с вами)
вам комли (прежде бывшие стопами)
обильною водой поток живой.

Оплачьте (только вы оплакать в силах
безумный жар намерений бескрылых)
мой жар любовный, план безумный мой.

1584

251

Из озорства проказливый хорёк
(из тех, что лапкой в кошелёк — и тягу)
на хвост дворняге прицепил не флягу,
а — господи прости! — огромный рог.

Несчастный пёс со всех пустился ног,
влача грохочущую колымагу,
народ кричит, — я эту передрягу
(коль там смеются) адом бы нарёк.

А тут явилась строгая вдовица,
чей муж решил на небо удалиться,
она воскликнула: «Какой позор!

Чтоб шавка волочила по брусчатке
то, что иных разило в жаркой схватке
и шло другим на головной убор!»

1588

254

О Мансанарес![42] В шутках непременно
твой поминают мост, и неспроста:
тебе хватило бы и полмоста,
ему — и море будет по колено.

Но нынче гребни влажные надменно
ты поднял, прочим рекам не чета,
хотя весь март каникул[43] духота
поток твой иссушала, как геенна.

Ответь во имя мага, чья водица
с цикорием — слабительное сусло,
которым и тебя поят ручьи:

как, обмелев, ты вновь сумел разлиться?
«Вчера ослу поилкой было русло,
сегодня — стоком для его мочи».

1588

255

О КОРОЛЕВСКОМ ЭСКОРИАЛЕ СВ. ЛАВРЕНТИЯ[44]

Священных куполов златые главы!
Вам облака дарят свой алый пыл,
унижен Феб — вы ярче всех светил,
гигантов неба вы лишили славы.

Юпитера лучи — вам для забавы.
Сей храм, что в бегство Солнце обратил,
великому страдальцу[45] посвятил
король великий преданной державы[46].

Священная опора Властелина,
кто Новым Светом правит и народы
Востока грозной подчинил рукой.

Не хмурься, Время, пощади, Судьбина,
Восьмое Чудо, да продлятся годы,
в которых правит Соломон Второй.

1609 [1589?]

256

ДОНУ КРИСТОБАЛЮ ДЕ МОРА[47]

О древо-герб, твой королевский щит
пять ягод сочных красят, шелковица[48],
в них кровь твоих воителей струится
и гибель юных любящих горчит[49];

в краю, где Тахо многоводный мчит[50],
в чьих струях звонких золото таится[51],
с тобой и пальме гордой не сравниться,
и лавру, чей чарует стройный вид.

В листве твоей червь выпрядает нити,
ты для крылатых певунов укрытье,
усталым — даришь тени благодать.

Я вытку память о тебе по праву
и трелью заглушу чужую славу,
и дам обет — твой храм в пути искать.

1589

258

О ХВОРОМ ПУТНИКЕ, КОТОРЫЙ ВЛЮБИЛСЯ ТАМ, ГДЕ ЕМУ БЫЛ ДАН ПРИЮТ[52]

Больной и одинокий в глухомани,
с дороги сбившись в сумраке ночном,
скиталец бедный брёл с большим трудом,
напрасно звал, ища тропу в тумане.

Вдруг слышит он собаки завыванье, —
её бессонным голосом ведом,
прибрёл скиталец наш в пастуший дом,
взамен пути найдя приют в блужданье.

Наутро та, что кутала свой сон
в мех горностая, нежностью проворной
в полон сумела хворого забрать[53].

За сей приют заплатит жизнью он.
Уж лучше бы скитаться в чаще горной,
чем этой смертной хворью захворать.

1594

261

Моя Селальба, мне примнился ад:
вскипали тучи, ветры бушевали,
свои основы башни целовали,
и недра извергали алый смрад.

Мосты ломались, как тростинки в град,
ручьи рычали, реки восставали,
их воды мыслям брода не давали,
во мраке дыбясь выше горных гряд.

Дни Ноя[54], — люди, исторгая стоны,
карабкались на стройных сосен кроны
и кряжистый обременяли бук.

Лачуги, пастухи, стада, собаки,
смешавшись, плыли мёртвенно во мраке.
Но это ли страшней любовных мук!

1596

263

СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ ГРАНАДЫ[55]

Кресты святые сей горы оправа,
ни праведней, ни краше нет высот.
Огонь сокрыв, она сиянье льёт,
в ней Этны пыл и Монгибеля слава[56].

Она трофей достойный и управа
на тех, кто был заботой из забот
для неба, чей атаковала свод
гигантов непокорная орава[57].

Иным гигантам отворилось лоно,
которые достигли небосклона
угодной небу силою святой.

Останкам их и подвигам укрытье —
сия священная земля. Почтите
деянья их учтивою стопой!

1598

264

НАСМЕШКА НАД КАБАЛЬЕРО, КОТОРЫЙ СО ВСЕМ ТЩАНИЕМ ПРИГОТОВИЛСЯ К ПРАЗДНИЧНОМУ ТУРНИРУ

Все краски спорят на его ливрее,
на чёрной шапке ровен перьев цвет,
белее снега белизна манжет,
браслетка — дар очередной Никеи[58],

девиз и вензель, знатного знатнее,
в узорчатые ножны меч одет,
нога в сафьяне, шпоры — звонче нет,
узда — такой не сыщешь и в Гвинее,

гарцует добрый конь, от рукоятки
до острия копьё готово к схватке,
и вымпел снят — ну, Амадис, держись!

С небрежностью, обдуманной заране,
в седле застыв, он скачет на ристанье…
А тут барбос — возьми да привяжись!

1598

265

НА ХРИСТОВО РОЖДЕНИЕ

Повиснуть на кресте, раскинув длани,
лоб в терниях, кровоточащий бок,
во славу нашу выплатить оброк
страданьями — великое деянье!

Но и Твоё рождение — страданье,
там, где великий преподав урок,

откуда и куда нисходит Бог,
закут не застил кровлей мирозданье!

Ужель сей подвиг не велик, Господь?
Отнюдь не тем, что холод побороть
смогло Дитя, приняв небес опеку, —

кровь проливать трудней! Не в этом суть:
стократ от человека к смерти путь
короче, чем от Бога к человеку!

1600

270

НА ПОГРЕБЕНИЕ ГЕРЦОГИНИ ЛЕРМСКОЙ[59]

Вчера богиня, ныне прах земной,
там блещущий алтарь, здесь погребенье,
и царственной орлицы оперенье —
всего лишь перья, согласись со мной.

Останки, скованные тишиной,
когда б не фимиама воскуренье,
нам рассказали бы о смертном тлене, —
о разум, створы мрамора открой!

Там Феникс* (не Аравии далёкой,
а Лермы[60]) — червь среди золы жестокой —
взывает к нам из смертного жилья.

И если тонут корабли большие,
что делать людям в роковой стихии?
Спешить к земле, ведь человек — земля.

1603

273

Красавицы, ужель каприз слепой
презреньем вас вооружит и хладом?
Кто андалусца не приветит взглядом,
бежит его учтивости живой!

В саду не он ли молит, сам не свой,
о милости — вздыхает с вами рядом?
Кто на корриде всех смелей, кто градом
точнейших стрел разит предмет любой?

Глаза, где нежность светится уликой,
крадёт кто чаще всех на танцах в зале,
чем славный андалусский кавалер?

Его, низающего кольца пикой[61],
не раз за ловкость судьи награждали,
в ристаниях — за храбрости пример!

1603

274

КРАСИВОЙ ДАМЕ, КОТОРУЮ ПОЭТ ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ ДЕВОЧКОЙ

Коль улучить из колыбели смог
меня Амур, — что делать мне, царица,
сейчас, когда в твоих глазах гнездится
крылатое дитя, нагой стрелок?

Меня в бутонах аспид подстерёг,
который ныне в лилиях таится,
была приманкою твоя Денница,
а Полдень твой меня на плен обрёк.

Твой свет я славлю голосом печали,
как соловей из клетки, чья кручина
и нежность напитали каждый звук.

Твоё чело зарницы увенчали,
а ясная твоя краса — причина
напевов птичьих, человечьих мук.

1603

280

О ПРАЗДНЕСТВАХ В ВАЛЬЯДОЛИДЕ[62]

Арена и трибуны — вешний сад,
чьи пёстрые цветы — услада взоров,
двенадцати быков тигриный норов —
добыча лезвий, яростных стократ,

явление двух пышных кавалькад —
букет из принцев, грандов и сеньоров,
ливреи всех оттенков и узоров —
небесной радуги земной парад,

здесь каждый конь Фавонию*[63] за брата,
чьи удила Перу лишили злата!
Но скажет Феб, к иным щитам скользя,

чья славится краса, а не обилье:
увидеть то, что видишь на Хениле[64],
на Писуэрге — и во сне нельзя.

1603

291

О ПОЛОТНАХ И РЕЛИКВАРИЯХ ГАЛЕРЕИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ КАРДИНАЛУ ДОНУ ФЕРНАНДО НИНЬО ДЕ ГЕВАРЕ[65]

Кто б ни был ты, усталый пилигрим, —
замри пред блеском щедрой благостыни.
Сколь ни светло от стёкол в сей святыне, —
здесь живопись лучом слепит своим.

Под небом Фив[66] ты входишь в вечный Рим, —
где славный кардинал Гевара ныне
приют от суеты в своей твердыне
тебе дарит, предел страстям земным.

Здесь узришь ты анахоретов лица
и спутников Петрова галеона[67],
и древний ларь, где до скончанья дней

их ветхая одежда сохранится,
а там — придворных неземного трона.
Пришелец мой, цветами их увей.

1607

300

Герцогу де Фериа

О ДОНЬЕ КАТАЛИНЕ ДЕ АКУНЬЯ[68]

О мореход придворный, погоди, —
ты ко Дворцу плывёшь в слепом задоре,
но здесь — второе Средиземноморье
и хор сирен певучих вкруг ладьи.

Брось вёсла, от ушей не отводи
ладоней: что ни голос в нежном хоре —
то отмель или риф тебе на горе,
и что ни серафим — подвоха жди.

Чем звук вернее, тем верней кончина,
так музыка сладка и благочинна,
что, кажется, не верить ей нельзя...

Беги от той, что струны щиплет нежно
и, скалы подвигая, безмятежно
поёт, разинь безжалостно разя!

1609

302

Лилеи, кои Солнце с небосклата
плодит весною, словно снег земной,
чья возле Тахо на косе речной
из перлов снедь, а колыбель из злата,

и розы, вожделенье ветра-фата,
чьи перья треплют трепет кружевной,
стремясь у лепестков любой ценой
кармина вымолить и аромата, —

они любой из ваших стоп навек
обязаны своей красой. Не к дланям, —
к стопам спешит цветов влюбленный взгляд!

Сияньем вашим побежден их снег
и утренний румянец, а дыханьем —
развеян их небесный аромат!

1609

303

Дон сеговийский Мост — само страданье,
но вместо слёз в глазах его песок.
Он по Реке скорбит, но видит Бог —
на нём не траурное одеянье.

Уретра подвела её. Рыданье
кастильских прачек оглашает лог,
и вяз сутану пышную совлёк,
напялив ту, что носят лютеране.

У медиков суждения другие —
что смерть её не смерть, а летаргия,
чему причиной знойный суховей,

что в первых числах декабря, не позже,
покойницу Реку на хладном ложе
ослицы отпоят мочой своей.

1609

304[69]

Клопы и мулы съесть меня хотят:
одни — напасть развалистой кровати,
других я одолжил, забыв о плате,
тому, кто сгинул двадцать дней назад.

Прощайте, доски, старые стократ,
обломки свай, скрипевших на фрегате,
отчизна общая кровавой рати,
бесчинствующей тридцать дней подряд!

Вернитесь, мулы, чьих копытец пытка —
пустяк перед размерами убытка,
чинимого отсутствием копыт!

Покинув Двор, теснящийся в лощине[70],
загон, служивший выгоном скотине,
я отправляюсь есть рагу в мой скит.

1609

306

НА КАБАЛЬЕРО, КОТОРЫЙ НАЗВАЛ СОНЕТОМ РОМАНС[71]

Зуд музыки почуял на неделе
сын Перансулесов[72], и в тот же час
запели сонмы струн, входя в экстаз —
их было, что снастей на каравелле.

Написанный моим дружком пропели
ему о схватке двух цветков рассказ,
чей поединок из-за синих глаз
был пострашней кошачьей канители.

То был романс, и был он просто чудо,
но то ли слушатель был глух, как дед,
иль исказила слог певцов простуда, —

судите сами, — только наш эстет
певцам сказать послал с доном Бермудо:
«Пусть повторят сей сладостный сонет!»

1609

307

О СТРОГОМ ПРИМЕРЕ, КОИМ СВЯТОЙ ИГНАТИЙ ОБРАЗУМИЛ РЫБАКА[73]

Глосса на заимствованный стих:
«В пучине мёртвой — свет живых огней…»

В насупленной ночи, в пучине пенной,
слепой моряк свернуть с пути готов,
услышав сладкозвучный гиблый зов,
исторгнутый лукавою Сиреной.

Но в ревностной заботе неизменной
Святой Игнатий, мглы сорвав покров,
вселяет в ледяной хрусталь валов
свет негасимый милости явленной.

Меняет паруса корабль пропащий
и судит рифы и призыв манящий
морских блудниц из роковых камней.

Лобзает брег, ведомый горней силой,
которая зажгла в среде унылой —
в пучине мёртвой — свет живых огней.

1610

308

О МАДРИДЕ

Как Нил поверх брегов — течёт Мадрид.
Пришелец, знай: с очередным разливом,
дома окраин разбросав по нивам,
он даже пойму Тахо наводнит.

Грядущих лет бесспорный фаворит,
он преподаст урок не зыбким Фивам[74],
а Времени — бессмертием кичливым
домов, чье основание — гранит.

Трон королям и колыбель их детям,
Театр удач столетье за столетьем,
нетленной красоты слепящий свод!

Здесь зависть жалит алчущей гадюкой,
ступай, пришелец, Бог тебе порукой,
пусть обо всём узнает твой народ.

1610

309

НА СМЕРТЬ ГЕНРИХА IV[75], КОРОЛЯ ФРАНЦИИ

Четвёртый Генрих подло умерщвлён
плебеем. Он крушил врагов лавины
и большей кровью затопил равнины,
чем водами — туманный Орион*.

Француз геройский, — вёл на битвы он
полки! Но тщетно, баловень судьбины,
златая лилия твои седины
хранила и гвардейский легион.

Коварство прозорливее дворов,
сто алебард перехитрит измена,
конь Греции[76] отыщет лучший вход.

Испания — Беллона* двух миров —
во всеоружье чтит тебя смиренно,
взирая в страхе на чужой народ.

1610

314

НА ЧЕТВЁРТУЮ ЧАСТЬ «ИСТОРИИ ПАПСТВА» ДОКТОРА БАБИИ[77]

Сложил поэму Бабия учёный,
она, пусть и не стих её основа,
есть *чудо* согласованного слова,
есть *чадо* мудрой мысли просвещённой,

чей слог седой, не рифмой умащённый,
но знанием уложенный сурово,
трёх славных кормчих корабля святого[78]
хвалою обессмертил изречённой.

Итак, перо, вознесшее по праву
на бронзу ключарей небесных славу,
есть ключ времён, не ведающих тленья.

Оно врата в бессмертье им открыло,
насытив ветром славы их ветрило,
замкнув пучину пенную забвенья.

1611

319

НА ТРАУРНОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ, ВОЗДВИГНУТОЕ В КОРДОВЕ В ПОМИНОВЕНИЕ КОРОЛЕВЫ МАРГАРИТЫ[79]

Огнём рубин и молнией алмаз
воспламенили, краски соразмеря,
короны пышной радужные перья
торжественной утехой наших глаз.

Но мрачен взлёт, объявший скорбью нас,
жемчужины, припавшей к звездной сфере
в священном поцелуе, — о потеря,
о скорбная стрела, чей блеск угас!

О помпа горя, чистая оправа
тщеславья нашего, твоё горенье
и запах ветер по земле понёс.

О дым гордыни суетной! О пава,
мудры сто глаз твоих на оперенье,
коли, прозрев, они не прячут слёз.

1612 [1611]

328

НА НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ БОГОРОДИЦЫ[80]

Глосса на заимствованный стих:
«О Дева, — Солнце, Звёзды и Луна…»

Пусть, обмершей, безмолвствуют уста
Природы, чьи глаза твоё Зачатье
увидев, слепли в трепетном приятье
того, чья суть божественно чиста.

Об этом скажет день, чья красота
твоё, о Дева, позлащает платье,
и туфелька на тёмном небоскате[81],
и диадемы звёздной чистота.

Тебя пречистой Вера и святой
зовёт, и легион учёных перьев
свои хвалы поёт тебе одной.

Доднесь Природа, свыкшись с немотой,
зовёт тебя, свой вышний свет доверив, —
о Дева, — Солнцем, Звёздами, Луной.

1614

332

К НАДГРОБИЮ ДОМИНИКО ЭЛЬ ГРЕКО[82]

Сей дивный — из порфира — гробовой
затвор сокрыл в суровом царстве теней
кисть нежную, от чьих прикосновений
холст наливался силою живой.

Сколь ни прославлен трубною Молвой, —
а всё ж достоин вящей славы гений,
чьё имя блещет с мраморных ступеней.
Почти его и путь продолжи свой.

Почиет Грек. Он завещал Природе
искусство, а Искусству труд, Ириде*
палитру, тень Морфею*, Фебу свет.

Сколь склеп ни мал — рыданий многоводье
он пьёт, даруя вечной панихиде
куренье древа Савского[83] в ответ.

1615 [1614]

336

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ДОНУ ДИЕГО ДЕ МАРДОНЕСУ, ЕПИСКОПУ КОРДОВЫ, КОЕМУ МАЭСТРО РИСКО ПОДАРИЛ АЛЬБОМ МУЗЫКИ[84]

Сегодня нежным волнам вдохновенья
ученый Риско дал искусный ход;
нектар и серебро их мерных вод
заставит петь и мёртвые каменья.

Ты, чьей неспешной длани мановенья
жезлу даруют пасторскому взлёт,
чья мантия пунцова, кто берёт
из рук Петра ключи в его владенья, —

услышь прилив согласный и певучий,
целующий твой берег неустанно,
где целостный нерасторжим покой.

Исполнен мир пленительных созвучий,
но что сравнится с песней Океана,
которой нежит Риско берег твой.

1615

339

ХУЛИТЕЛЯМ «ПОЛИФЕМА»

Одноглазый, обошёл Мадрид
поклонник несуразный Галатеи.
Ему деревня дикая вкруг шеи
повить собачий поводок спешит:

один свирепый бакалавр рычит,
другой мутит толпу, уже пигмеи,
как волки, воют, яд сочат, как змеи, —
куснуть циклопа* всякий норовит.

Во лбу его звезда, но все в угаре
твердят, что помыслы его темны.
И, повернув к ним зад, сказал он: «Твари,

коль вам иные доводы нужны —
звезда в ином, закатном полушарье, —
мемориал ваш суньте мне в штаны!»

1615

367

СПЯЩЕЙ ДАМЕ, КОТОРУЮ ПЧЕЛА УЖАЛИЛА В УСТА

Младая Филис возле лавра спит,
и горло лижут ей в немой усладе
волос волнистых золотые пряди,
чей дерзок на ветру дразнящий вид.

Двух лепестков пунцовых робкий стыд
беззвучьем скован в утренней прохладе, —
и к ним, с коварной похотью во взгляде,
спешит сатир, чей лоб плющом увит.

Но ревностным вторжением звенящим
пчела, упившись пурпуром пьянящим,
освобождает спящую от сна,

и полубог[85], отпрянув на опушку,
глядит оторопело на пастушку,
чья красота пугливости равна.

1621

372

О ТЩЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

На бабочку взгляни: отринув страх,
в огонь, на чей порыв пенять не вправе
и Феникс, — к ослепительной забаве
она летит на трепетных крылах.

Не ведая раскаянья, впотьмах
спешит она в слепом своём тщеславье
на свет, влекущий к огненной расправе
порханье, обречённое на прах.

Уже оплывший столп ей стал могилой,
чья толща — лепта пчёлки легкокрылой:
чем ярче цель, тем жарче западня!..

А ты и старческому тленью рада,
чей дым в глаза — не пламя, но пощада,
а этот дым — коварнее огня.

1623

373

О СТАРЧЕСКОМ ИЗМОЖДЕНИИ, КОГДА БЛИЗИТСЯ КОНЕЦ, СТОЛЬ ВОЖДЕЛЕННЫЙ ДЛЯ КАТОЛИКА[86]

На склоне жизни, Лиций, не забудь,
сколь грозно лет закатных оскуденье,
когда любой неверный шаг — паденье,
любое из падений — в бездну путь.

Дряхлеет шаг? Зато яснее суть.
И всё же, ощутив земли гуденье,
не верит дом, что пыль — предупрежденье
руин, в которых дом готов уснуть.

Змея не только сбрасывает кожу,
но с кожей — оболочку лет, в отличье
от человека. Слеп его поход!

Блажен, кто, тяжкую оставив ношу
на стылом камне, легкое обличье
небесному сапфиру отдает!

1623

374

О СКРЫТНОЙ БЫСТРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ

Не столь поспешно острая стрела
стремится в цель угаданную впиться,
и в онемевшем цирке колесница
венок витков стремительных сплела,

чем быстрая и вкрадчивая мгла
наш возраст тратит. Впору усомниться,
но вереница солнц — как вереница
комет, таинственных предвестниц зла.

Закрыть глаза — забыть о Карфагене?[87]
Зачем таиться Лицию в тени,
в объятьях лжи бежать слепой невзгоды?

Тебя накажет каждое мгновенье:
мгновенье, что подтачивает дни,
дни, что незримо поглощают годы.

1623

376

НАИСИЯТЕЛЬНЕЙШЕМУ ГРАФУ-ГЕРЦОГУ[88]

В часовне я, как смертник осуждённый,
собрался в путь, пришёл и мой черёд.
Причина мне обидней, чем исход, —
я голодаю, словно осаждённый.

Несчастен я, судьбою обойдённый,
но робким быть — невзгода из невзгод.
Лишь этот грех сейчас меня гнетёт,
лишь в нём я каюсь, узник изможденный.

Уже сошлись у горла острия,
и, словно высочайшей благостыни,
я жду спасения из ваших рук.

Была немой застенчивость моя,
так пусть хоть эти строки станут ныне
мольбою из четырнадцати мук!

1623

377

О НЕСПЕШНОСТИ ДОЛГОЖДАННОЙ ПЕНСИИ

Свинцовый шаг у пенсии моей,
а я одной ногой ступил в могилу.
О беды[89], вы мне придаете пылу!
Наваррец — наилучший из друзей!

Врагу я брошу лук и сельдерей!
Мне даже *фига* возвращает силу!
Мой ветхий челн доверю я *кормилу*!
Мне снится славный *Пирр*, царь из царей.

Худые башмаки, зола в печурке, —
неужто дуба дам, дубовой чурки
не раздобыв, чтобы разжечь очаг!

Не медли то, о чём я так мечтаю!
Сказать по чести, я предпочитаю
успеть поесть — успенью натощак.

1623

Приписываемые сонеты

L

НА «АРКАДИЮ» ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ КАРПИО

С герба, Лопёнок, за́мки сдуй скорей,
их девятнадцать на твоём подворье[90],
хоть и воздушны все они — о горе! —
не хватит воздуха в груди твоей.

Дались тебе аркадцы! Щит царей
на пастушка навесить в сущем вздоре!
Ах, придурь Леганеса! Дурь Винорре!
Ах, брюква с бородой! Ах, сельдерей![91]

С герба все замки надо бы стереть.
Плута — на место! На крылатой кляче
пускай в театре бьёт клещей с тоски.

Пусть замков на песке не строит впредь.
Вот разве, вновь женившись по удаче,
запрёт все пьесы в за́мки на замки́.

[*1598*]

LVI

ЛОПЕ ДЕ ВЕГЕ[92]

Брат Лопе, выброс свой сонет с цита-
из Ариосто и из Гарсила-.
Ты Библии не тронь своими ла-:
в твоих устах молитвы — святота-.

«Анхелику» сожги, как маврита-,
и «Драгонтею» с книжкой, чьё загла- —
«Аркадия», и брось за ними в пла-
комедии свои и «Эпита-».

Бог знает, что б я сделал с «Сан-Иси-»,
когда бы не был добрым прихожа-,
от «Пилигрима» я, как пёс, взбеси-!
На четырёх наречьях ты рожа-

свой бред: четыре нации не в си-
тебя понять, так пишешь ты ужа-!
И лучше бы ты свой «Иеруса-»
не дописал, несчастнейший писа-!

[*1604–1609*]

LXII

ДОНУ ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО

Всяк обнаружит ваше кривостопье,
столкнувшись с вами, наш Анакреон[93]:
у ваших скорбных стоп весёлый звон —
элегия на сладеньком сиропе.

Не тень ли вы теренцианца[94] Лопе:
к опоркам комедийным шпоры он

приладил и, бесовский взяв разгон,
загнал коня крылатого в галопе.

В глаза не видя греческого, — в спешке
толмачить вы взялись, горды собой,
очки надев, как шоры[95], для насмешки.

Наставьте их на мой глазок слепой,
который сыплет грецкие орешки,
из коих вы раскусите любой.

[*1609–1617*]

LXVI

ПРОТИВНИКАМ «ПОЭМЫ УЕДИНЕНИЙ»

Темна, забыв суровых правил свод
(по мнению бранчливого кретина),
к Дворцу по улицам Мадрида чинно,
на свет родившись, «Соледад»[96] плывёт.

В Латинский храм войти ей не дал тот,
кто греческие смотрит сны, скотина,
кто псальму жалкую гнуся картинно,
божественно вовеки не споёт.

Она плывёт сквозь море человечье.
Там ей хвалы поют, постигнув суть,
здесь — чужестранкой нарекли в злоречье.

Желая скудным знанием блеснуть,
чужая злость перхает, словно свечи,
к Виктории ей освещая путь.

[*1613*]

LXXVI

СТРАСТНЫМ ПОКЛОННИКАМ ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ

Ах, утицы в кастильской мутной жиже,
куда из тёмной хляби нутряной
льёт Вега наша пёстрый перегной
(всем вегам Вега[97] — нет низины ниже).

К иной реке спешите — ближе, ближе! —
к родному языку с седой волной
аттической и римской глубиной,
чьей шири и лишили вас бесстыже.

Уж лучше лебедей премудрых чтите.
Не тех, чей смертный час нам ранит души,
но тех, чьи перья пеною своей

покрыл священный Аганипп[98]. Бежите?
Не стыдно вам, болотные крякуши,
по грязи шастать? Под воду скорей!

[*1621?*]

LXXVII

ТЕМ ЖЕ ПОКЛОННИКАМ

«Все к Аполлону!» — и уже толпой
сбежалась челядь и встаёт в шпалеры,
сто побирух несут «Звезду Венеры»,
а «Тысячу страстей» — один слепой,

вот «Эпопею» тащит плут мирской,
«Аркадию» — две гнусные мегеры,

«Анхелику» — монашки нашей веры,
а «Пилигрима» — капеллан тупой.

Прёт брат святой «Исидора», потея,
«Бургильос» трётся с «Пастухами» сзади,
плетётся с «Филоменой» идиот.

Винорре — Тифий* с борта «Драгонтеи»,
Фитиль[99] дорогу осветил армаде
«Комедий»; впереди вожак идёт.

[*1621*]

XCV

БРЕННОЙ РОЗЕ

Вчера родившись, завтра ты умрёшь.
Ужели свет — для жизни столь мгновенной?
Сияние — для участи столь бренной?
А пышность эта — чтоб уважить нож?

Прекрасная, на веру ты берёшь
то, что чревато суетою тленной.
О как безвременно красу Вселенной
смертельная пронизывает дрожь!

Уже ты жертвой стала грубой длани,
чьё учтено природой злодеянье,
уже ты в бездну смрадную летишь.

Не расцветай — вблизи тиран таится.
Во имя жизни — не спеши родиться:
спеша родиться — умереть спешишь.

XCVII

ЛОПЕ ДЕ ВЕГЕ

Едва твои увидел Аполлон
стишки, почерпнутые в бочке винной,
о писарь жалкий с плутовскою миной,
как бросил в ужасе дельфийский трон.

И Клио* в страхе выбежала вон,
завидев барда с мордою ослиной:
прогнав богиню по дороге длинной,
какой богине ты нанёс урон!

Забудь о дамах и об Аполлоне,
и вымоли прощенье у народа
за то, что бегать понуждал людей.

Бежишь ты, как не бегают и кони.
Ты заработал шляпу скорохода.
Смотри, не заработать бы плетей!

Примечания

[1] Романсы, своего рода испанские национальные песни, появились в XIV веке. Они написаны восьмисложником с ассонансом в каждой чётной строке, этот моноассонанс проходит через весь текст (обычно заменяется при переводе на русский язык точной рифмой или внятным ассонансом в каждом четверостишии). Некоторые из блистательно написанных романсов Гонгоры традиционно входят в сборники «Испанского Романсеро».

[2] Номера стихотворений соответствуют нумерации текстов в издании *Góngora y Argote L. de*. Obras completas. Madrid: Aguilar, 1961.

Этот романс распространялся также в виде напева с музыкой неизвестного автора. Входит в репертуар современного испанского барда Пако Ибаньеса. С данным романсом перекликается другой, написанный десятью годами позже. (См. № 30 «Льёт слёзы невеста…»)

[3] На скабрёзность этого оборота в оригинале (*hacer las bellaquerías*) указал Антонио Карреньо (*Góngora L. de*. Romances. Madrid: Cátedra, 1988).

[4] Рефрен этого романса — перифраз народной пословицы.

[5] *Драгут* — знаменитый пират; оттоманский адмирал; преемник Барбароссы; умер в 1560 году.

[6] *Марбелья* — город в Андалусии на средиземноморском побережье.

[7] *Южное море* — подразумевается Тихий океан.

[8] *…шесть парусов нашей веры…* — Корабли рыцарей Мальтийского ордена, охранявших побережья Средиземного моря от турецких и берберийских пиратов.

[9] *Канастель* — название мыса в Оране.

[10] *Сын Венеры* — Амур.

[11] *Птенец Любви* — Амур.

[12] *Крылатый пострел* — Амур.

[13] *Барбаросса* — кличка, под которой были известны в Алжире два брата, пиратствовавшие в XVI веке в Средиземном море.

[14] *Галеота* — небольшое быстроходное вёсельно-парусное судно, которое использовалось корсарами.

[15] Один из самых известных романсов Гонгоры, являтся переложением эпизода из «Неистового Роланда» (Песнь XIX), в котором повествуется о встрече катайской

(китайской) царевны Анджелики (в испанском произношении Анхе́лики) с Медоро. Найдя раненного мавра, она выхаживает его в хижине пастуха и влюбляется в него.

[16] *Сарацин* — наименование мусульман у европейских авторов со времени Крестовых походов; в качестве синонима использовались также «мавры».

[17] *Алмаз Катая* — Анхелика (королеве Катая — так в Средние века на испанском языке назывался Китай).

[18] *…первой страсти Адониса…* — Подразумевается Афродита, в которую был влюблён Адонис — юноша неописуемой красоты.

[19] *…второй тщеты Арея…* — В Афродиту был также влюблён бог войны Арей, ревнующий её к Адонису.

[20] *…снег её…* — Подразумевается белизна кожи.

[21] *Орландо* — Роланд.

[22] *Хукар* — река, впадающая в Средиземное море.

[23] *Куэнка* — город на высоте 956 метров над уровнем моря.

[24] *Жемчуга* — здесь: зубы.

[25] *…что из пены родилась…* — Афродита.

[26] *Летрилья* (*исп*. letrilla) — жанр испанской поэзии, особенно популярный в XVI–XVII веках; возник из народной песенной культуры. По форме летрилья представляет собой небольшое стихотворное произведение, разбитое на симметричные строфы, оканчивающиеся рефреном.

[27] *…юрист из Саламанки…* — Известна эпиграмма Габриэля дель Корраля (1588–1652?): «Об учёном с умом осла, / сколь ни тщится блюсти осанку, / говорят: „Он вошёл в Саламанку, / да она в него не вошла“».

[28] *«Флореста»* — популярный сборник пословиц и афоризмов, изданный Мельчором де Санта Крус де Дуэньяс в 1574 году.

[29] Рефрен этой летрильи — известная поговорка.

[30] *Юный грек* — юноша Леандр, который полюбил Геро, жрицу Афродиты, жившую на другом берегу пролива Геллеспонт. Каждую ночь Геро зажигала огонь на башне, ожидая Леандра, который переплывал пролив, используя зажженный Геро огонь как маяк. Но однажды огонь погас, и Леандр не смог доплыть. Утром его тело прибило к ногам Геро. Увидев его, Геро в отчаянии бросилась в море с башни.

[31] Жанр, возникший в Италии и распространившийся в Европе в эпоху Возрождения, впервые был использован в Испании маркизом де Сантильяной (1398–1458) и Хуаном Босканом (1490–1542); приобретает особый блеск в творчестве Гарсиласо де ла Веги (1503–1536). Бируте Циплихаускаите (1929–2017), известная исследовательница поэзии Гонгоры, подразделяет его сонеты на любовные, сатирические (или бурлескные), погребальные и сакральные.

[32] Это первый сонет, написанный Гонгорой.

[33] *Бетис* — латинское название Гвадалквивира.

[34] *Повелитель Вод* — Нептун.

[35] *…дерев, Алкиду посвященных*. — Алкиду (Гераклу) был посвящён, помимо оливы и плюща, тополь.

[36] *Король всех рек…* — Река Гвадалквивир.

[37] *…исток сестры Сегуры…* — Исток реки Сегуры находится вблизи от мест, где берёт начало Гвадалквивир.

[38] Речь идет о золоте.

[39] Хуан Руфо-и-Гутьеррес (1547?–1620?) — сатирический и эпический поэт. Воспел своего покровителя Хуана Австрийского в эпической поэме «Аустриада».

[40] *Новый Цезарь* — подразумевается Хуан Австрийский.

[41] *Винолий-слуга* — Ганимед, похищенный Зевсом на небо, стал виночерпием богов.

[42] *Мансанарес* — река в Мадриде, почти полностью пересыхавшая в жаркое время года.

[43] *Каникулы* — в Древнем Риме период летней жары.

[44] *Эскориал* — знаменитый монастырь в 80 километрах от Мадрида.

[45] Имеется в виду святой Лаврентий, христианский мученик, по преданию, родившийся в испанском городе Оска (ныне Уэска).

[46] *…король великий преданной державы*. — Филипп II (в последней строке сонета он назван Соломоном Вторым).

[47] Сонет посвящён португальскому подданному. Его имя Мора (на испанском и португальском — *mora*, на латыни — *moras*) обозначает шелковицу и её тёмно-фиолетового цвета плоды.

[48] На гербе Португалии пять крестообразно расположенных малых гербов, схожих с шелковичными плодами.

[49] *Воители* — аллюзия к португальским завоевателям; *юные любящие* — аллюзия к Пираму и Фисбе, чья смерть придала плодам шелковицы тёмно-фиолетовый цвет.

[50] *…в краю, где Тахо многоводный мчит…* — Речь идет о Лиссабоне.

[51] *…в тьих струях звонких золото таится…* — Считалось, что песок реки Тахо содержит золото.

[52] Сальседо Коронель указывает на разительную схожесть этого сонета с фабулой «Поэмы Уединений». Р. О. Джонс и Д. Алонсо предполагают, что сонет мог быть навеян реальными обстоятельствами, когда поэт возвращался из Саламанки после тяжёлого заболевания.

[53] Этот терцет интерпретируется как описание любовного акта.

[54] *Дни Ноя…* — В тот год значительно поднялись воды реки Гвадалквивир.

[55] *Священная гора* (или Сакромонте) — гора близ Гранады, где на месте обнаружения религиозных реликвий возникло аббатство Сакромонте.

[56] *Монгибель* — другое название вулкана Этна.

[57] *…гигантов непокорная орава*. — Считалось, что здесь томятся в оковах гиганты, объявившие войну олимпийцам, дабы отомстить за гибель братьев-титанов.

[58] *Никея* — героиня рыцарского романа «Амадис Гальский»; Амадис упомянут в 11-й строке этого бурлескного сонета.

[59] *Герцогиня Лермская* (Каталина де ла Серда) — старшая придворная дама королевы. Умерла в 1603 году.

[60] *Лерма* — город в провинции Бургос, где 1-й герцог Лерма выстроил свой дворец. Герцог Лерма (Duque de Lerma) — наследственный аристократический титул в Испанском королевстве. Он был создан 11 ноября 1599 года королем Филиппом III для своего фаворита Франсиско Гомеса из рода Сандовалей. Название титула происходит от названия города. (Любопытно, что с испанским государственным деятелем начала XVII века Франсиско Лермой ассоциировал свою фамилию Михаил Лермонтов. Эти фантазии отразились в написанном поэтом воображаемом портрете Лермы, а также в драме «Испанцы».)

[61] *Его, низающего кольца пикой…* — На верёвке, растянутой между двумя столбами, подвешивалось железное кольцо, которое всадники, соревнуясь, старались подцепить копьём.

[62] Гонгора посетил Вальядолид в 1603 году, когда город был резиденцией короля (в период с 1601 по 1606 год).

[63] *…здесь каждый конь Фавонию за брата…* — По преданию, от соития с Фавонием (Зефиром), западным ветром, кобылы рождали знаменитых андалусских скакунов.

[64] *Хениль* — река в Гранаде; *Писуэрга* — река, на которой расположен Вальядолид.

[65] *Фернандо Ниньо де Гевара* (1541–1609) — кардинал, генеральный инквизитор, член королевского совета; в год написания этого текста — архиепископ Севильи. Гонгора посетил кардинала в Севилье в 1607 году во время поездки в Лепе. По свидетельству современников, в галерее были портреты всех римских пап и многих отшельников. Фернандо Ниньо де Гевара изображён на портрете кисти Эль Греко.

[66] *Фивы* — область в Египте, место паломничества отшельников, Рим — папская цитадель.

[67] *Петров галеон* — метафора Церкви.

[68] Сонет представляет собой развёрнутую метафору, в которой жизнь при дворе уподобляется плаванию в бурном море; *герцог де Фариа* — настоящее имя Гомес Суарес де Фигероа (1587–1635) — был послом в Риме, вице-королём в Валенсии, губернатором Милана; *Каталина де Акунья* — придворная дама.

[69] Сонет описывает реальный эпизод пребывания Гонгоры в Вальядолиде.

[70] *…Двор, теснящийся в лощине…* — Речь идёт о пребывании в Вальядолиде королевского двора.

[71] Предположительно имеется в виду маркиз де Альменара.

[72] *Перансулес* — кличка людей, кичившихся своей сомнительной знатностью; предположительно от имени жителя Вальядолида Педро Асуреса, который подвизался при королевском дворе.

[73] Сонет был представлен на поэтический конкурс, посвящённый святому Игнатию Лойоле в 1610 году в Севилье. Игнатий де Лойола — католический святой, основатель ордена иезуитов, видный деятель Контрреформации, был офицером на испанской военной службе.

[74] *…зыбким Фивам…* — Египетские Фивы были возведены на песчаной почве, а Мадрид — на скалистом основании.

[75] *Генрих IV* — французский король (с 1589 по 1610 год) . Его трагическая кончина широко обсуждалась в Испании. О ней писали Лопе де Вега, Кеведо и Вильямедиана.

[76] *…конь Греции…* — Троянский конь.

[77] *Луис Бабия* — капеллан королевской часовни в Гранаде.

[78] *…трёх славных кормчих…* — Подразумевается Церковь и три римских папы (Климент VIII, Лев XI и Павел V).

[79] Это второй из трёх сонетов на смерть королевы Маргариты (1584–1611). Траурное возвышение было воздвигнуто знаменитым кордовским архитектором той поры Бласом де Марабелем и представлял собой конусообразную конструкцию, на которой были прикреплены поминальные стихи кордовских бардов.

[80] Этот сонет, прочитанный Гонгорой в 1617 году на конкурсе поэтов, был встречен овацией.

[81] *…туфелька на… небоскате…* — Ср.: «И явилось на небе великое знамение — жена, облачённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд» (Откр XII, 1).

[82] Могила Эль Греко находится в толедском монастыре Санто Доминго эль Антигуо. Предположительно, Гонгора был знаком с художником.

[83] *…древа Савского…* — То есть ароматического дерева из аравийской Савы.

[84] Гонгора был большим почитателем музыки. В 1609 году Риско написал музыку на две его летрильи, обращённые к Богородице с мольбой опекать больного епископа.

[85] *Полубог* — упомянутый выше сатир.

[86] Этот и следующие три сонета — свидетельства трагических обстоятельств жизни поэта.

[87] *…забыть о Карфагене?* — Город Карфаген был разрушен во время Третьей пунической войны (149–146 годы до н. э.).

[88] *Граф-герцог* — имеется в виду фаворит Филиппа IV — Гаспар де Гусман Оливарес (1587–1645).

[89] Читатель обратит внимание на двусмысленность следующих выражений: *«о беды = обеды»*, *«наваррец»*, *«врагу = в рагу»*, *«фига»*, *«кормило»* и *«Пирр»*.

[90] *…их девятнадцать…* — В первом издании «Аркадии» (1598) Лопе поместил свой портрет с гербом рода Карпио, на котором изображены девятнадцать замков.

[91] Хуан де *Леганес* — слабоумный, знаменитый тем, что быстро считал в уме; *Винорре* — сумасшедший из Севильи. Гонгора намекает на женитьбу Лопе де Веги на дочери богатого торговца, отсюда и упоминание в следующей строке брюквы и сельдерея.

[92] В этом сонете упоминаются Лудовико Ариосто (1474–1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения, и Гарсиласо де ла Вега (1501/1503–1536) — выдающийся испанский поэт. А также произведения Лопе де Веги «Краса Анхелики» (книга стихов), «Драгонтея» (эпопея), «Конкурс в честь святого Исидора» (проза и стихи), «Пилигрим у себя на родине» (роман) и «Завоёванный Иерусалим» (эпопея).

[93] *Анакреон* (570/559–485/478 до н. э.) — древнегреческий лирический поэт.

[94] *…тень… теренцианца…* — Ироническое сравнение драматурга Лопе де Веги со знаменитым римским драматургом Публием Теренцием (190–159 до н. э.)

[95] *…очки надев, как шоры…* — Образ Кеведо неотделим от очков.

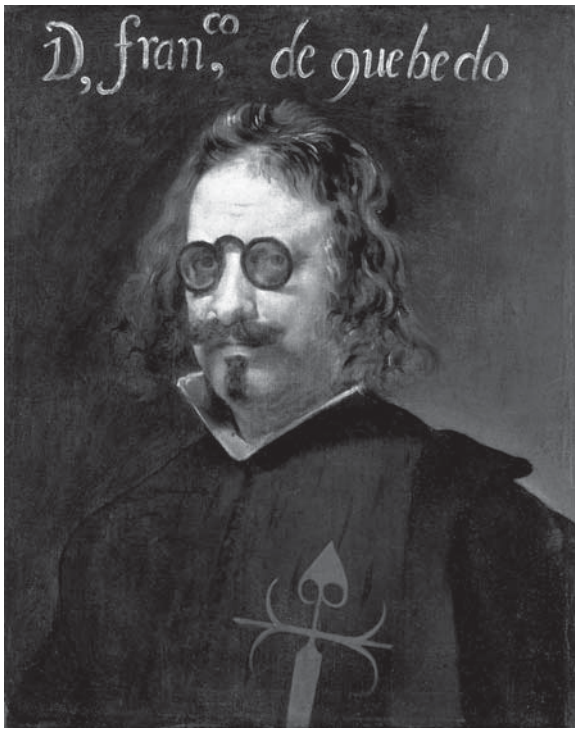
[96] *…на свет родившись, «Соледад» плывёт.* — На испанском название поэмы — «Soledades». У сонета два плана, реальный и аллегорический. Во-первых, описывается религиозная процессия, какой она была в XVII веке; в этой процессии фигурировал образ святой Соледад. Религиозный ход направлялся к собору Виктория, к Латинскому собору или к часовне Старого Дворца. Аллегория заключена в следующем: противники Гонгоры обвиняли его в том, что он пишет «темно», нарушая законы стихосложения, использует много иностранных слов. Во втором катрене намёк на Кеведо — автора «Кастильского Анакреона».

[97] *Вега* — плодородная долина (*исп.*).

[98] *Аганипп* — фонтан, бивший у подножия горы Геликон.

[99] *Фитиль* — кличка слуги Лопе.

Полемические нападки Кеведо на Гонгору



QUEVEDO
QUEVEDO

На Дона Луиса де Гонгору

Сатиры* ваши, трубные стишата,
дошли, бедовый кордовец, до нас —
друзья мне принесли в недобрый час
творений ваших кипы в два обхвата.

Наверное, у вас ума палата,
раз их коснулось столько рук и глаз,
хоть и замечу, что грязца как раз
вся стёрлась, не достигнув адресата.

Я не решился их читать, страшась
не остроты, — нужна была отвага,
чтобы руками трогать вашу грязь.

Но стерлась грязь, и я почту за благо,
когда мою чувствительную часть
сия обслужит чистая бумага.

На того же Гонгору

Брат Гонгора, из года в год всё то ж:
бог по боку, за церковь — дом игорный,
священник сонный, а игрок проворный,
игра большая, веры ни на грош.

Ты не поклоны бьёшь, а карту бьёшь,
не требник теребишь, ругатель вздорный,
а те же карты, христьянин притворный,
тебя влечёт не служба, а картёж.

Твою обнюхав музу через силу, —
могильщики поставят нечто вроде
доски надгробной в пору похорон:

«Здесь капеллан трефовый лёг в могилу,
родился в Кордове, почил в Колоде,
и с картою козырной погребён».

Эпитафия на того же Гонгору

Коптящимим обставленный свечами,
богопротивный труп в помойной яме, —
он душу проиграл нечистой силе,
в картишки режется он и в могиле.
Беззубый, он взывает лишь о том,
чтобы снесли его в игорный дом.
Ему была колода алтарём,
пред ней молился ночью он и днём,
Венере с Бахусом служил он слепо,
запор поэзии, душа вертепа, —
забыв о чести,
крест лобызал он, чтобы вышли крести.

Вовек подобной не сыскать грязищи,
любая задница намного чище,
едва откроет рот,
а из него потоки нечистот.
Писал он циклопические вирши
и у жаргонов отнял всё, что мог:
его народ *жаргонгорой*[1] нарёк.
Священником он был такого сорта,
что вместо Бога призывал он чёрта
и так ополоумел, что, играя,
задёшево продул блаженство рая.

Всю жизнь он жил по карточный законам
и сдох в игре слепцом умалишённым.

[1] У Кеведо в оригинале *jerigóngora*.

А чтобы знали, кто он был такой,
дружкам велел он, чтоб заупокой
не службу справили, а против правил
прочли бы, кто и что на кон поставил.
И если бы перед дорогой дальней
спросили дурака в исповедальне,
хотел бы получить он отпущенье
грехов, он попросил бы без смущенья
(уж такова натура дуралея)
снять не грехи, а карту побыстрее!

Плешивый Бес забрал к себе балбеса.
Подумать только: бес попутал Беса!

На Гонгору

Стихи свои я умащу свининой,
чтоб их твои клыки не укусили,
пёс, лающий на гениев Кастильи,
лукавец грязный с плутовскою миной.

Срамной священник, ты рождён скотиной,
поэтому тебя и не крестили,
дубина Кордовы, баран Севильи,
придворный шут с повадкою змеиной.

Ты в греческий суёшь свой нос горбатый —
он всем даёт понять в мгновенье ока,
что ты не эллин, а раввин треклятый.

Ты в книжках Гонгоришка, сущий дока:
ещё бы — ты ведь книжник бородатый,
безвинных осуждающий жестоко.

Романс про Дона Луиса де Гонгору
(*Фрагменты*)

Автор жеманных припевов,
звуков испанских палач,
крутятся вирши юлою,
а непонятно, хоть плачь.
Чистую речку завидев,
яростный враг чистоты, —
точно подпивший гуляка,
грязно ругаешься ты:
в подлом романсишке Тахо
«аховый» лишь оттого,
что-де на Сьерра Куэнке
сосны лупцуют его...

Полно, пропойца, да был ли
местом рожденья твоим
город Луканов[2] и мудрых
Се́нек, прославивших Рим!
Разве ты Кордовы чадо, —
был ты предместьем зачат,
а народился ты в поле,
там, где коровы мычат...

Анакреона Кастильи
встретил ты шуткою злой —
он ещё ярче заблещет
рядом с твоею хулой.

[2] Марк Анней Лукан (39–65) — римский поэт, родился в Кордове; племянник философа Сенеки, участвовал в заговоре против Нерона и по его приказу покончил с собой.

Сладким сиропом назвал ты
переложенье, — глупец,
сладкую эту горчицу
сладкою сделал певец.
Походя Лопе де Вегу
ты обругал, рифмоплёт,
именем «Лопе» играя,
точно тупой идиот.
Гениев двух ты поносишь,
коих прославят века!
Шутки свои ты находишь
в глуби ночного горшка.
Как Герострат, чью гордыню
слава других доняла, —
два восхитительных храма
сжечь ты хотел бы дотла.
Столь ты бесстыден, что ищешь
славы ценою любой,
в злобе своей забывая,
что могут сделать с тобой...

Знай: ни Кеведо, ни Лопе,
чтобы не множить грехов,
слыша твои оскорбленья,
не снизойдут до стихов.
Я же — поэтишка жалкий,
ведьмы и чёрта сынок,
свет увидавший в болоте,
там, где крапива и дрок, —
как ученик брадобрея,
тот, что по красной моркве
учится бритвой елозить,
прежде чем по голове, —
я на тебе упражняюсь,
гладкий капустный кочан,
чтобы потом не поранить
братьев моих христиан...

Если же ты мне ответишь,
жалкий и злой свинопас, —
новый романс напишу я,
да подлиннее в сто раз!
Буду до смертного часа,
коли ответишь ты мне,
всюду бранить твои вирши,
и наяву, и во сне.
Край Галисийский назвал ты
реповым краем свиней!
Нету земли этой чище, —
вот и цепляешься к ней.
Кто разберет твои вирши!
Пишешь ты слогом таким,
что надоел даже свиньям
свинством дремучим своим.
К старым себя христианам
не причисляй, словоблуд.
Не дворянин ты придворный,
дворник из дворни и плут!..
Дам я совет тебе добрый,
ты уж его не забудь:
короткорукий писака,
длинноязыким не будь!

Мифологический словарь

CONCOR
LVMIN
MAIOR

Мифологические реминисценции в произведениях Гонгоры не были столь необычными и избыточными в пору позднего Возрождения, как это видится сегодня, они изобиловали не только в текстах, но и в речи образованных испанцев. По убеждению Роберта Джеймса, «мифология занимает менее значимое место в „Поэме Уединений“, чем в иных поэтических произведениях той эпохи, чем у того же Лопе де Веги»[1]. И по мнению Марии Роиг-Миранды[2], мифологические аллюзии в «Поэме Уединений» можно разделить на три группы: а) не связанные напрямую с поэмой и её персонажами, используемые для большей живописности повествования; б) те, что служат непосредственно для характеристики объекта описания, их больше всего; в) включение в повествование конкретных мифов.

А

АВРОРА[3] (греч. Эос) — богиня утренней зари.

АВСТР (греч. Нот) — южный ветер.

АГАНИППА — источник на горе Геликон, выбитый копытом Пегаса; всякий, кто пил из этого источника, получал способность говорить стихами.

АДОНИС — юноша поразительной красоты, возбудивший страстную любовь богини Афродиты. Найдя смертельно раненного на охоте Адониса, богиня оплакивает его, и там, где падают её слёзы, расцветают анемоны.

---

[1] *Jammes R.* Función de la retórica // Góngora L. de. Soledades. Madrid: Castalia, 1994. P. 138).

[2] См.: *Roig-Miranda M.* El papel de la mitología en las Soledades // Crepúsculos pisando. Presses Universitaires de Perpignan. 1995. P. 216.

[3] Курсивом выделены древнеримские имена и названия.

АКИД — сын бога Пана и нимфы Симетис; полюбил нимфу Галатею и был убит скалой, оторванной от Этны соперником, циклопом Полифемом; сочившаяся из-под скалы кровь превратилась в реку.

АКТЕОН — юный охотник, заставший купающимися богиню Артемиду и её нимф. Разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, которого растерзали собаки.

АЛКИД — одно из имён Геракла.

АЛКИМЕДОН — некогда предводитель пятого строя войск Ахилла и его близкий друг.

АМАЛЬТЕЯ — коза, вскормившая своим молоком Зевса.

АМАЗОНКИ — воинственный народ, состоявший исключительно из женщин.

АМУР (греч. Эрот) — сын Венеры; божество любви.

АПОЛЛОН (римск. Феб) — бог солнца; бог-врачеватель; предводитель и покровитель муз, наук и искусств; предсказатель будущего; охранитель стад, дорог, путников и мореходов.

АРАХНА — искусная пряха, ткачиха и вышивальщица; вызвала на состязание в ткачестве Афину которая превратила её в паучиху.

АРЕЙ (АРЕС; римск. Марс) — бог войны.

АРИОН — знаменитый певец и музыкант; согласно рассказу, передаваемому Геродотом, Арион плыл с заработанными пением сокровищами на корабле из Тарента в Коринф. Моряки, желая завладеть богатством певца, выбросили его за борт; Ариона спас дельфин, домчавший его до Коринфа.

АРГУС — стоглазый великан; олицетворение звездного неба.

АСКАЛАФ — сын бога Ареса; был превращён в сыча за донос на похищенную Плутоном Прозерпину.

АТАЛАНТА — охотница, знаменитая быстротой бега, предлагала искателям ее благосклонности состязаться с ней; безоружный соперник должен был бежать впереди; если она его не настигала, то признавала своим женихом, в противном случае его ждала смерть. Гиппомен перехитрил её с помощью золотых яблок Афродиты, которые он во время бега ронял по одному: поднимая их, Аталанта отстала, и Гиппомен первым достиг цели.

АФИНА (римск. Минерва) — дочь Зевса, родившаяся из его головы; богиня-воительница; вечно девственная богиня мудрости; покровительница ткачества.

АФРОДИТА (римск. Венера) — богиня красоты и любви; олицетворение вечной юности; покровительница мореплавания.

Б

БАХУС (греч. Дионис) — бог растительности, вина и веселья; покровитель виноградарства и виноделия.

БОРЕЙ (римск. Аквилон) — бог северного ветра.

БЕЛЛОНА (греч. Энио) — богиня войны.

В

ВАКХ (греч. Дионис) — бог вина.

ВАКХАНКИ — женщины, посвятившие себя богу Вакху; они следовали за ним повсюду, одетые в шкуры диких животных, в венках из плюща.

ВЕРТУМН — бог перемен во временах года, течении рек, настроениях людей, стадиях созревания плодов.

ВЕНЕРА (греч. Афродита) — богиня садов, любовной страсти; мать Амура.

ВУЛКАН (греч. Гефест) — бог разрушительного и очистительного огня и кузнечного ремесла.

Г

ГАДЕС (римск. Плутон) — бог подземного мира; олицетворение царства мёртвых.

ГАЛАТЕЯ — одна из нереид; олицетворение спокойного моря.

ГАНИМЕД — троянский юноша небывалой красоты; на Олимпе стал любимцем Зевса и виночерпием богов.

ГАРПИЯ — одна из птиц с женской головой и грудью, злобных похитительниц, внезапно налетающих и так же внезапно исчезающих.

ГЕЛИАДЫ — дочери Гелиоса, которых боги превратили в тополя.

ГЕРАКЛ (римск. Геркулес) — сын Зевса и смертной женщины Алкмены; совершил знаменитые двенадцать подвигов.

ГЕРО — жрица Афродиты; её возлюбленный Леандр утонул, и она в отчаянии бросилась в море.

ГИГАНТЫ — косматые великаны, вступившие в битву с богами за власть над миром; были уничтожены Гераклом, призванным на помощь.

ГИМЕНЕЙ (римск. Талассий) — бог брака; узы Гименея — супружеский союз.

ГЛАВК (Морской, или Понтийский) — морское божество; вместе с нереидами обитает на о. Делос.

ГОРГОНА — одна из трех сестёр — крылатых женщин-чудовищ со змеями вместо волос; взгляд Горгоны превращал всё живое в камень.

ГРАЦИИ (греч. Хариты) — богини красоты и изящества.

Д

ДЕДАЛ — искусный зодчий и изобретатель; на крыльях из перьев, скреплённых воском, поднялся в небо с сыном Икаром.

ДИАНА (греч. Артемида) — богиня луны и охоты; её атрибуты — лук, стрелы и факел.

ДИОСКУРЫ — герои-близнецы; сыновья Леды.

ДОРИДА — океанида; мать нереиды Галатеи.

ДРИАДЫ — лесные нимфы; покровительницы деревьев.

Е

ЕВРОПА — божество земледелия; в позднейших сказаниях дочь Феникса. Была похищена Зевсом, обратившимся в быка.

З

ЗЕФИР (римск. Фавоний) — бог западного ветра.

И

ИКАР — сын Дедала, поднявшийся вместе с отцом в небо. Подлетев слишком близко к солнцу, от лучей которого воск растаял, он упал в море.

ИРИДА — богиня радуги; считалась посредницей между богами и людьми.

К

КАИСТР — речной бог и название реки, берущей начало вблизи Эфеса; река славилась обилием лебедей.

КЛИО — одна из девяти муз; покровительница истории.

КЛИТИЯ — возлюбленная Аполлона.

КУПИДОН — см. Эрот.

Л

ЛЕВКИППА — одна из океанид.

ЛЕДА — жена царя Спарты, упомянутая в «Илиаде» и в «Одиссее». Зевс, пленённый красотой Леды, овладел ею, обратившись в лебедя.

ЛЕНЕЙ — одно из имён Вакха.

ЛЕТА — река забвения в подземном царстве; кануть в Лету — быть забытым, бесследно исчезнуть.

ЛИКОТЕ — нимфа; возлюбленная морского бога Палемона.

ЛЮЦИНА (греч. Илифия) — прозвище Юноны, покровительницы ро́дов.

М

МАРС (греч. Арес) — бог войны; отец Ромула; родоначальник и хранитель Рима.

МЕАНДР — название извилистой реки; стало нарицательным для обозначения речных излучин и орнамента в виде ломаной линии.

МЕРКУРИЙ (греч. Гермес) — бог торговли; покровитель путешественников; изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе и с жезлом в руке.

МИДАС — царь Фригии; всё, к чему он прикасался, превращалось в золото.

МИНЕРВА (греч. Афина) — покровительница ремёсел и искусств; почиталась также как богиня войны и государственной мудрости.

МОРФЕЙ (римск. Сомн) — бог сновидений; погрузиться в объятия Морфея — уснуть и видеть сны.

МУЗЫ (римск. Камены) — дочери Зевса; покровительницы наук, поэзии и искусств.

Н

НАРЦИСС — прекрасный юноша, сын речного бога Кефисса; увидев своё отражение в воде, влюбился так, что не смог расстаться с ним и умер; символ юношеской гордыни и самовлюбленности.

НАЯДЫ — нимфы рек, ручьев и озёр.

НЕПТУН (греч. Посейдон) — первоначально бог источников и рек, затем стал почитаться как бог морей.

НЕРЕЙ — морское божество; его чтили как доброго, мудрого и справедливого старца.

НЕСЕЯ — нимфа.

НИМФЫ — женские ду́хи, олицетворяющие живительные и плодоносные силы земли.

НИОБА — царица Фив; Аполлон поразил стрелами сыновей Ниобы, а Артемида — её дочерей; была превращена Зевсом в скалу, из которой забил источник: так, окаменев, Ниоба всё ещё оплакивает своих детей.

НИСИДА — наяда; возлюбленная Тритона.

НОТ (римск. Австр) — бог южного ветра.

О

ОКЕАН — один из титанов, обладавший властью над мировым потоком, окружавшим земную твердь.

ОКЕАНИДЫ — нимфы; обитательницы морских и речных вод.

ОЛИМП — священная гора; место пребывания богов во главе с Зевсом.

ОРИОН — охотник-великан; сын Посейдона; Зевс превратил его в созвездие.

ОРЫ — богини времён года.

П

ПАЛЕМОН — морское божество; покровитель моряков.

ПАЛЕС — богиня скотоводства.

ПАЛИНУР — кормчий Энея.

ПАН (римск. Фавн) — божество стад, покровитель пастухов; изображался с козлиными рогами, копытами и бородой.

ПАРКИ (греч. Мойры) — богини судьбы.

ПЕНЕЙ — речное божество; отец нимфы Дафны.

ПИРАМ и ФИСБА — легендарная влюбленная пара; пришедшая первой на ночное свидание Фисба натолкнулась на львицу и потеряла свое покрывало; Пирам нашел его и, решив, что Фисба растерзана, заколол себя.

ПИЭРИДЫ — одно из названий муз.

ПОЛИФЕМ — циклоп; сын Посейдона; преследовал своей любовью Галатею, влюбленную в Акида.

ПОНТИЙ — морское божество; сын Посейдона, безуспешно преследовавший нимфу Галатею.

ПРОЗЕРПИНА (греч. Персефона) — дочь Цереры; богиня подземного царства.

ПРОТЕЙ — морское божество; сын повелителя морей Посейдона.

ПСИХЕЯ — олицетворение человеческой души; изображалась в образе бабочки или девушки; любовь Психеи и Эрота — распространенный сюжет в литературе и изобразительном искусстве.

С

САТИРЫ — лесные божества; похотливые, падкие на вино демоны в свите Диониса.

СИЗИФ — строитель и царь Коринфа; в Аиде был приговорен вкатывать на гору тяжелый камень, который, едва достигнув вершины, скатывался вниз, и всю работу приходилось начинать заново.

СИЛЕНЫ — демоны плодородия; вместе с сатирами составляют свиту Диониса.

СИМЕТИС — нимфа.

СИРЕНЫ — полуптицы-полуженщины, усыплявшие моряков своим пением и губившие их.

СИРИНГА — наяда, бежавшая от преследовавшего её Пана и превращенная богами в тростник; Пан вырезал из него пастушескую свирель-сирингу.

СПЕЯ — нимфа.

СТИКС — река в царстве мёртвых.

СФИНКС — чудовище с человеческой головой, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка.

СЦИЛЛА и ХАРИБДА — два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов.

Т

ТАЛОС — племянник и ученик Дедала; из зависти к его таланту Дедал сбросил Талоса с Афинского акрополя.

ТАНТАЛ — сын Зевса; низвергнутый в Аид, стоя по горло в воде, тщетно пытался ухватить ускользавшие от него ветви с плодами.

ТЕФИДА — титанида; супруга Океана; мать потоков и океанид; считалась богиней, дающей жизнь всему существующему.

ТИТОН — сын царя Трои Лаомедонта; Зевс сделал Титона бессмертным, но не дал ему вечной молодости.

ТИФИЙ — кормчий на корабле аргонавтов.

ТИФЕЙ — гигант, низвергнутый Юпитером и погребённый под горой Этна.

ТРИТОН — морское божество; сын Посейдона; изображался с рыбьим хвостом вместо ног.

Ф

ФАВН (греч. Пан) — божество гор, лесов, лугов, стад, посылавший плодородие полям, животным и людям; покровитель пастухов и охотников; внезапно появляясь, внушал внезапный и беспричинный (панический) страх.

ФАВОНИЙ (греч. Зефир) — весенний западный ветер.

ФАМА (греч. Осса) — богиня молвы и сказания.

ФАЭТОН — сын бога солнца Гелиоса; не управившийся с солнечной колесницей отца, был испепелён и оплакан сёстрами-Гелиадами, превращёнными, по одной из версий мифа, в плакучие ивы.

ФЕБ — второе (культовое) имя бога Аполлона.

ФЕНИКС — сказочная птица, похожая на орла, покрытая огненно-красным и золотым оперением; перед смертью сжигает себя, но тут же возрождается из пепла; символ возрождения и обновления.

ФИЛОДОКА — одна из нереид.

ФИЛОМЕНА (ФИЛОМЕЛА) — дочь царя Афин, муж которой вырезал ей язык, но боги превратили её в ласточку (в другом варианте мифа — в соловья).

ФЛОРА (греч. Хлорис) — богиня цветов и юности.

ФОРТУНА (греч. Тихе) — богиня судьбы.

Х

ХЛОРИС (римск. Флора) — богиня цветов.

Ц

ЦЕРЕРА (греч. Деметра) — богиня плодородия и земледелия.

ЦИКЛОП — одноглазый великан.

ЦИРЦЕЯ (греч. Кирка) — волшебница с острова Ээя, обратившая в свиней спутников Одиссея и удерживавшая в течение года его самого; в переносном смысле — коварная обольстительница.

ЦЕФЕЙ (КЕФЕЙ) — царь Эфиопии; муж Кассиопеи и отец Андромеды. Появившийся у берегов Эфиопии огромный кит каждый день требовал жертвовать ему самую красивую девушку; дошла очередь и до Андромеды, но её спас прилетевший верхом на Пегасе Персей. По воле Афины превращен в созвездие.

Э

ЭВР (римск. Вольтурн) — бог восточного ветра; брат Борея (северный ветер), Зефира (западный) и Нота (южный).

ЭВТЕРПА — одна из девяти муз; покровительница лирической поэзии.

ЭОЛ — повелитель ветров.

ЭРОТ (римск. Амур, Купидон) — бог любви.

ЭТОН — имя одного из четырёх крылатых коней, влекущих колесницу Солнца.

ЭХО — нимфа; по одному из мифов, в наказание за болтливость потеряла способность говорить и могла лишь повторять окончания чужих слов.

Ю

ЮНОНА (греч. Гера) — богиня брака и материнства.

ЮПИТЕР (греч. Зевс) — верховное божество; олицетворение неба, дневного света, грозы.